

УДК 1(091)

«ВЕЛИКИЙ РАЦИОНАЛИСТ»:
АЛЕКСЕЙ ВВЕДЕНСКИЙ О КАНТЕ
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КАНТИАНЫ

А. И. Введенский, Д. О. Рожин¹

В 1904 г. в последнем январском номере газеты «Московские ведомости» вышла заметка профессора Московской духовной академии, философа и богослова Алексея Ивановича Введенского, озаглавленная «Великий рационалист. По поводу столетия со дня смерти Канта». Хотя назвать эту публикацию уникальной для того времени трудно, поскольку многие российские философы и публицисты откликнулись в печати на эту юбилейную дату, заметка интересна и тем, как представлен в ней Кант, и тем, что позволяет прояснить характер отношения Введенского к кантовской философии. Сам Алексей Введенский до сих пор остается практически неизвестной фигурой истории русской философии, в связи с чем в предисловии к публикации представлены основные вехи интеллектуальной биографии русского философа. Также продемонстрирован неоднозначный характер отношения Введенского к кантовской философии. В частности, показано, что русский философ, с одной стороны, призывает «возвратиться к общепризнанному учителю, – Канту», гений которого он безоговорочно признает, а с другой – утверждает, что Канта необходимо не только изучить и глубоко продумать, но и преодолеть, поскольку именно его рационализм «иссушил мысль новейшего культурного человечества».

Ключевые слова: Алексей Введенский, Кант, 100-летие со дня смерти Канта, русская кантиана, Юркевич, Ницше, Платон, Фулье, рационализм

За торжествами, посвященными празднованию 300-летия со дня рождения Иммануила Канта, скрывается другая, более скромная

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 28.11.2023 г. doi: 10.5922/0207-6918-2024-1-7

“THE GREAT RATIONALIST”:
ALEXEY VVEDENSKY ON KANT
IN THE CONTEXT OF RUSSIAN KANTIANA

A. I. Vvedensky, D. O. Rozhin¹

In 1904, the last January issue of the newspaper “Moskoskiye vedomosti” carried an article by Alexey I. Vvedensky, philosopher and theologian, Professor of the Moscow Theological Academy, entitled “The Great Rationalist. On the Centenary of Kant’s Death”. Although the publication could hardly be called unique for its time, as many Russian philosophers and journalists commented on this date, the article merits attention because of the way it represents Kant, and the fact that it sheds light on Vvedensky’s attitudes toward Kantian philosophy. Alexey Vvedensky is to this day a little-known figure in the history of Russian philosophy, such that I thought it would be helpful to preface the publication with a review of the landmarks in the Russian philosopher’s intellectual biography. I go on to demonstrate the ambivalent character of Vvedensky’s attitudes toward Kant’s philosophy. To this end, I show that the Russian philosopher, on one hand, calls for a “return to the universally acclaimed Kant”, whose genius he unreservedly recognises; and on the other hand, he argues that Kant should not only be studied and profoundly reflected on, but also overcome because his rationalism “has desiccated the thought of the new cultured humanity”.

Keywords: Alexey Vvedensky, Kant, centenary of Kant’s death, Russian Kantiana, Yurkevich, Nietzsche, Plato, Fouillée, rationalism

The celebrations of the tercentenary of Immanuel Kant’s birth may overshadow a more modest event: 220 years since the death of the

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU). 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia. Received: 28.11.2023. doi: 10.5922/0207-6918-2024-1-7

юбилейная дата — 220 лет со дня кончины великого кёнигсбержца. Может показаться, что напоминание о смерти омрачает нынешний юбилей, но в России впервые в широком масштабе было отмечено именно столетие со дня смерти философа. В частности, популярный петербургский журнал «Нива» в 4-м номере за 1904 г. разместил по поводу столетия со дня смерти Канта биографическую заметку, завершающуюся словами: «Великие заслуги Канта вполне оценены всем миром, и истекшее ныне столетие со дня его смерти вызвало многочисленные торжества в честь и память знаменитого философа в разных местах Европы» (Иммануил Кант, 1904, с. 77)².

Празднование столетия со дня смерти Канта не обошлось и в России без большого числа торжественных заседаний в различных научных обществах и публикаций в периодической печати и специальных изданиях. Вот примерная библиография, относящаяся к этому событию: С. С. Глаголев «Религиозная философия Канта (к столетию со дня его смерти)» (Вера и разум. 1904. № 3. С. 91–114), А. Белый «Критицизм и символизм: По поводу столетия со дня смерти Канта» (Весы. 1904. № 2. С. 1–3), Е. А. Бобров «К столетней годовщине смерти Иммануила Канта» (Варшавские университетские известия. 1904. № 7. С. 1–21), Е. С. «К столетию смерти Эммануила Канта» (Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки. 1904. № 3. С. 344–347), В. Н. Ивановский «Памяти И. Канта: (По поводу столетия со дня его кончины: 12 февр. нов. ст. 1804 г. — 12 февр. 1904 г.): Речь, сказ. в заседании физ.-мат. о-ва при Казан. ун-те 13 марта 1904 г.» (Казань, 1905), В. Г. Камбуров «К столетию со дня смерти Канта: Речь, произнес. 2 мая 1904 г. в годичном собрании юрид. о-ва при Томск. ун-те» (Томск, 1906), П. В. Тихомиров «К столетию смерти Канта (1804–1904). I. Личность Канта в изобра-

great citizen of Königsberg. The mention of death may introduce a somber note into the celebrations, but the fact remains that in Russia it was the centenary of the philosopher's death that was first marked at a large scale. For example, the popular Petersburg journal *Niva* in Issue 4 for 1904 published a biographical article timed for the centenary of Kant's death. The article ended with the words: "Kant's great achievements have been fully recognised in the world, and the centenary since his death gives cause for numerous celebrations in honour and in memory of the famous philosopher in various places in Europe" (Anon., 1904, p. 77).²

In Russia, too, the centenary of Kant's death was marked by numerous meetings of various academic societies and publications in periodicals and specialised journals. The event was covered in: Sergey S. Glagolev, "The Religious Philosophy of Kant (on the Centenary of his Death" (*Vera i razum / Faith and Reason*, 1904, № 3, pp. 91-114), Andrej Bely, "Criticism and Symbolism: on the Centenary of Kant's Death" (*Vesy / Libra*, 1904, № 2, pp. 1-3), Evgenij A. Bobrov, "On the Centenary of the Death of Immanuel Kant" (*Varshavskie universitetskie vedomosti / Warsaw University Newsletter*, 1904, № 7, pp. 1-21), E.S. "On the Centenary of the Death of Immanuel Kant" (*Novyi zhurnal inostrannoy literatury, iskusstva i nauki / New Magazine of Foreign Literature, Art and Science*, 1904. № 3. pp. 344-347), Vladimir N. Ivanovsky "In Memory of I. Kant: (on the centenary of his death: 12 Feb., New Style, 1804 — 12 Feb. 1904) Speech delivered at the meeting of the Kazan University Physical and Mathematical Society on 13 March 1904) (Kazan, 1905), Vyacheslav G. Kamburov "On the Centenary of Kant's Death: Speech Delivered on 2 May 1904 to the Annual Meeting of Tomsk University Legal Society" (Tomsk, 1906), Pavel V. Tikhomirov, "On the

² На повсеместное празднование этого события в Европе в 1904 г. также указывает в своем исследовании Н. А. Дмитриева (Дмитриева, 2014, с. 47).

² Nina A. Dmitrieva (2014, p. 47) points out the wide-scale celebration of this event across Europe in 1904.

жении его современников» (Богословский вестник. 1904. Т. 1, № 2. С. 317–335; Т. 1, № 6. С. 229–247), Н. Н. Страхов «Кант — как великий учитель нравственности, в сопоставлении с современными реформаторскими стремлениями к переоценке нравственных начал жизни. По поводу исполнившегося столетия со дня смерти Канта» (Вера и разум. 1904. № 8. С. 289–304), В. А. Фляксбергер «Философия Канта», речь, произнесенная в заседании Общества истории, филологии и права 1-го февраля 1904 г., посвященном чествованию памяти Иммануила Канта по поводу столетней годовщины его смерти (Записки Общества истории, филологии и права при Варшавском университете. 1904. Вып. 3. С. 107–150), а также упомянутая выше заметка в журнале «Нива» (Иммануил Кант, 1904). В журнале «Вопросы философии и психологии» были опубликованы три доклада, произнесенных на торжественном заседании Психологического общества, которое было посвящено памяти Канта, 28 декабря 1904 г.: Л. М. Лопатин «Учение Канта о познании» (Вопросы философии и психологии. 1905. Кн. 76, № 1. С. 1–18), П. И. Новгородцев «Кант, как моралист» (Указ. изд. С. 19–36), В. И. Вернадский «Кант и естествознание XVIII столетия» (Указ. изд. С. 37–70). Отдельно следует упомянуть несостоявшуюся речь профессора Санкт-Петербургской духовной академии Д. П. Миртова, предназначавшуюся к произнесению в академический актовый день 17 февраля 1905 г., но позже опубликованную в нескольких выпусках журнала «Христианское чтение» за 1905 г. под названием «Нравственная автономия по Канту и Ницше». Примечательно, как Миртов высказывается о столетии со дня смерти Канта:

Значение Канта столь велико в истории мысли и философской и богословской, что, собственно, нет нужды искать оправдания и поводов к тому, чтобы вспомнить это славное имя. Однако имеются и особые побуждения к такому воспоминанию. Год тому назад в Германии и других просвещенных странах

Centenary of Kant's Death (1804–1904)". I. The Personality of Kant as Portrayed by His Contemporaries" (*Bogoslovskiy vestnik / Theological Bulletin*, 1904. Vol. 1, № 2. pp. 317-335; Vol. 1, № 6. pp. 229-247), Nikolaj N. Strakhov, "Kant as a Great Teacher of Morality Compared with Modern Reforming Trend Toward Reappraising the Moral Principles of Life" (*Vera i razum*, 1904. № 8. pp. 289-304), Vladimir A. Flaksberger, "The Philosophy of Kant", Speech delivered at the meeting of the Society of History, Philology and Law on 1 February 1904 to Commemorate Immanuel Kant on the Occasion of the Centenary of His Death (Proceedings of the Society of History, Philology and Law at Warsaw University, 1904, Issue 3, pp. 107-150), and the above-mentioned article in the journal "Niva" ("Cornfield") (Anon., 1904). The journal "Voprosy filosofii i psikhologii" ("Issues in Philosophy and Psychology") published three papers delivered at the Kant commemoration meeting of the Psychological Society on 28 December 1904: Lev M. Lopatin, "Kant's Teaching on Cognition" (1905. Book 76 (1), pp. 1-18), Pavel I. Novgorodtsev, "Kant as a Moralistic" (*ibid.*, pp. 19-36), Vladimir I. Vernadsky, "Kant and Eighteenth-Century Natural Sciences" (*ibid.*, pp. 37-70). Special mention should be made of the undelivered speech by Professor Dmitry P. Mirtov of the St. Petersburg Religious Academy, intended to be delivered on 17 February 1905, but later published in several issues of the journal "Khristianskoye chteniye" ("Christian Reading") under the title "Moral Autonomy According to Kant and Nietzsche". Mirtov's remarks on the centenary of Kant's death are worth noting:

So great is the significance of Kant for the history of philosophical and theological thought that there is no need to look for a justification or excuse for remembering this glorious name. But there are some special reasons for such remembrance. A year ago Germany and other enlightened countries celebrated the centenary

праздновался столетний юбилей со дня кончины великого философа (30 янв. / 12 фев. 1804 г.), и остановить теперь внимание на Канте — значит оказать хотя несколько запоздалую, но должную дань его памяти (Миртов, 1905, с. 313).

Этот наверняка неполный список российской юбилейной Кантианы можно дополнить рукописью из архива Б. В. Никольского за авторством предположительно Сергея Владимировича Ведрова (1855–1909)³, поводом для написания которой послужило столетие со дня смерти Канта. Она интересна как минимум двумя моментами. Во-первых, Ведров отмечает, что теория правового государства Канта отразилась в ряде реформ в Российской империи, ознаменовавшихся, в частности, значительнейшими историческими событиями: «освобождением крестьян 19 февраля 1861 года, преобразованиями земства и города... участием народного элемента в суде, бесцензурною прессою, финансовою отменой подушной подати...» (Статья..., 1904, л. 4). Во-вторых, статья завершается несколько неожиданной для привычного образа Канта характеристикой его как националиста: «Сто лет прошло, как навсегда умолкли вещи уста философа, националиста по личным своим качествам и привязанностям, но гения всемирного по учению, но вечное не умерло: свободная мысль полетела по всему белу свету и везде, где были люди знания и труда, принесла свою долю пользы, вылилась в желанную форму» (Там же). Очевидно, однако, что автор указывает на национализм Канта

³ В конце рукописного текста фамилия автора вымарана и оставлены только инициалы «С. В.». Но по очертаниям она напоминает «Ведровъ». Кроме того, в пользу его авторства говорит целый ряд обстоятельств: Ведров был до 1901 г. профессором полицейского права Петербургского университета, а в тексте рукописи речь идет среди прочего о полицейском праве; в научной поездке он посетил в 1878 г. Гейдельберг, где мог получить прививку кантианства; Ведров является автором некролога об Иване Ефимовиче Андреевском, упоминаемом и в этой рукописи, учился у Андреевского в Петербургском университете.

of the great philosopher's death (30 Jan. / 12 Feb. 1804) and to pay attention to Kant means to pay belated, but still due tribute to his memory (Mirtov, 1905, p. 313).

This far from complete list of the Russian jubilee *Kantiana* should also include the manuscript from Boris V. Nikolsky's archive presumably authored by Sergey V. Vedrov (1855 – 1909),³ written on the occasion of the centenary of Kant's death. It is interesting on at least two counts. First, Vedrov notes that Kant's theory of the law-governed state was reflected in several milestone reforms in the Russian Empire: "[...] emancipation of serfs on 19 February 1861, transformations of *zemstvo* and city [...] through introduction of the popular element in the law court, lifting of press censorship, and abolition of chevage, or tribute per head [...]" (S. V., 1904, fol. 4). Secondly, the article ends with a somewhat unexpected reference to Kant as a nationalist: "A hundred years have passed since the oracular tongue of the philosopher, a nationalist by his personal properties and attachments, but a worldwide genius by his teaching, fell silent, but the eternal has not died: free thought flew across the whole wide world and wherever there were people of knowledge and labour, bringing its share of good and taking the desired form" (*ibid.*). Obviously, the author calls Kant a nationalist not in the sense that the latter was convinced of the superiority of the German nation, but because he was embedded in his native culture in daily life.

³ At the end of the hand-written text the author's name is scratched out leaving only the initials S.V. But in outline it is reminiscent of "Vedrov". Besides this, a number of circumstances point to his authorship: until 1901, Vedrov was a professor of police law at Petersburg University, and the text refers, among other things, to police law; during an academic voyage he visited Heidelberg in 1878 where he could have received an injection of Kantianism; Vedrov wrote an obituary for Ivan E. Andreyevsky who is mentioned in this manuscript, and was Andreyevsky's student at Petersburg University.

не как на убежденность последнего в превосходстве германской нации, а как на укорененность его в родной культуре и привычной повседневности.

В числе прочих публикаций, посвященных столетнему юбилею, интерес вызывает заметка в газете «Московские ведомости» под названием «Великий рационалист. По поводу столетия со дня смерти Канта. (1704 – 31 января – 1804)», автором которой является русский философ, богослов и публицист Алексей Иванович Введенский (1861–1913)⁴. Она обращает на себя внимание не только тем, что в ее названии перепутаны даты – в качестве года рождения Канта вместо 1724 г. указан 1704-й, или же можно предположить, что при наборе оказались перепутаны столетия, обозначающие период, прошедший со дня смерти философа: 1804 – 31 января – 1904 (Введенский, 1904, с. 3). Эта публикация имеет значение как для истории русской философии в целом, так и для прояснения специфики отношения Введенского к Канту, что можно ясно увидеть, обратившись к интеллектуальной биографии русского философа.

На сегодняшний день в истории философии Введенский является малоизученной фигурой, и, без сомнения, незаслуженно, хотя бы потому что он был преподавателем в Московской духовной академии (далее – МДА) у известного русского философа Павла Александровича Флоренского (Из академической жизни..., 1912, с. 441). М. М. Жуст пишет, что именно «под влиянием Введенского Флоренский в первый год обучения [в МДА] очень заинтересовался философией Канта» (Žust, 2002, p. 88). Т. Немет считает, что утверждение Жуста неверно, но признает, что Введенский убеждал Флоренского опубликовать его перевод кантовской «Физической монадологии» (Кант, 1905) в «Богословском вестнике» и оказал ему в этом помощь (Nemeth, 2023, p. 305). Об отношении Флоренского к Канту в период его знакомства

Among the publications devoted to the centenary, there is a notable article in the newspaper “*Moskovskiye vedomosti*” (“Moscow News”) entitled “The Great Rationalist. On the Centenary of Kant’s Death. (1704 – 31 January – 1804)” written by the Russian philosopher, theologian and social commentator Alexey I. Vvedensky (1861 – 1913).⁴ It catches the eye not only because the title contains a mistake, with Kant’s date of birth being given as 1704 instead of 1724 (or else the centuries indicating the period of time that elapsed since the day of the philosopher’s death were mixed up during type-setting: 1804 – 31 January – 1904 (Vvedensky, 1904, p. 3)). The publication matters for the history of Russian philosophy as a whole, and sheds light on Vvedensky’s attitudes toward Kant, which becomes clear if we look at the Russian philosopher’s intellectual biography.

Today, Vvedensky’s role in the history of philosophy is unfairly under-studied, if only because he was a teacher of the well-known Russian philosopher Pavel A. Florensky at the Moscow Theological Academy (elsewhere MTA) (Anon., 1912, p. 441). Milan M. Žust (2002, p. 88) writes that it was “under the influence of Vvedensky that Florensky in the first year of study [at the MTA] developed a keen interest in Kant’s philosophy”. Thomas Nemeth (2023, p. 305) disagrees with Žust’s claim but admits that Vvedensky did urge Florensky to publish his translation of Kant’s *Physical Monadology* (Kant, 1905) in *Bogoslovskiy Vestnik* and helped him to do it. Florensky’s attitude toward Kant during the period of his acquaintance with Vvedensky is illustrated in the following statement from his maiden lecture in 1908: “Plato and Kant [...]. These names forever stand for what is the most significant in philosophy, and if all the philosophical works would

⁴ Подробнее о Введенском см. в новейшей книге Томаса Немета: (Nemeth, 2023, p. 252 – 256).

⁴ Read more about Vvedensky in the latest book by Thomas Nemeth (2023, pp. 252-256).

с Введенским свидетельствует его утверждение из пробной лекции 1908 г.: «Платон и Кант... С именами этими навеки срослось самое значительное, что есть в философии, и если бы погибли все философские произведения, кроме Диалогов Платона и Критик Канта, то, кажется, мы все-таки сохранили бы право гордиться философскою библиотекою человечества» (Флоренский, 1909, с. 596).

Алексея Введенского не следует путать с известным русским кантианцем Александром Ивановичем Введенским (1856–1925), как это однажды случилось с одним из выпускников МДА Иваном Кузьмичем Смирновым (1833–1912), перепутавшим статьи Алексея Введенского и Александра Введенского в журнале «Вопросы философии и психологии» (Смирнов, 1914, с. 134). Сам Алексей Введенский, кстати, был знаком со своим достопочтенным однофамильцем, о котором отозвался достаточно тепло в рецензии на выполненный под руководством последнего перевод книги Вильгельма Виндельбанда «Философия Канта (из Истории Новой Философии)» (Введенский, 1895а, с. 119).

Интеллектуальная история Введенского тесно связана с его *alma mater* – МДА, куда спустя год после окончания, в 1887 г., он был приглашен на кафедру истории философии по рекомендации своего учителя и наставника В. Д. Кудрявцева-Платонова (далее – Кудрявцев) (Из академической жизни..., 1912, с. 394).

В 1891/92 учебном году Введенский отправился для учебы на зимний семестр в Берлинский университет, на летний – в Парижский университет (Там же, с. 395)⁵.

⁵ По другим источникам, Введенский отправился в 1891/92 учебном году только в Германию, а Францию посетил уже во время второй своей поездки, в 1896/97 учебном году (Абрамов, Ванчугов, 2010, с. 373). Однако в юбилейной статье, посвященной Введенскому (Из академической жизни..., 1912, с. 395), сообщается, что в 1891/92 учебном году он посещал и Германию, и Францию, о чем также свидетельствуют его письма из-за границы (Введенский, 2015). Что касается дат второй поездки Введенского, то в журналах Совета МДА содержится информация о поездке не в 1896/97, а в 1897/98 учебном году, правда, без указания места командирования (Журналы..., 1898, с. 274).

perish except Plato's *Dialogues* and Kant's *Critiques*, we would probably still have the right to be proud of mankind's philosophical library" (Florensky, 1909, p. 596).

Alexey Vvedensky should not be confused with the well-known Kantian scholar Alexander I. Vvedensky (1856 – 1925), as happened with Ivan K. Smirnov (1833 – 1912), an MTA graduate who confused articles by Alexey Vvedensky and Alexander Vvedensky in the journal *Voprosy filosofii i psikhologii* (Smirnov, 1914, p. 134). Alexey Vvedensky (1895a, p. 119), by the way, was acquainted with his illustrious namesake and wrote a favourable review of the translation, made under the latter's guidance, of Wilhelm Windelband's book *The Philosophy of Kant (from the History of New Philosophy)*.

Vvedensky's intellectual biography is closely bound up with his alma mater, the MTA, where he was invited a year after graduation, in 1887, to take up the Chair of the History of Philosophy on the recommendation of his teacher and mentor Viktor D. Kudryavtsev-Platonov (hereafter, Kudryavsev) (Anon., 1912, p. 394).

In academic year 1891/92, Vvedensky spent the winter semester at Berlin University, and the summer semester at Paris University (*ibid.*, p. 395).⁵

After Kudryavtsev's death in 1892, Vvedensky transferred to the MTA Chair of Logic and Metaphysics, in 1896 was confirmed as professor extraordinarius, and in 1905 was promoted to ordinary professor of the same Chair (*ibid.*, p. 396). Vvedensky's predecessors in this Chair

⁵ Other sources say that in 1891/92 Vvedensky went only to Germany and visited France only during his second trip in 1896/97 (Abramov and Vanchugov, 2010, p. 373). However, the jubilee article devoted to Vvedensky (Anon., 1912, p. 395), reports that in the 1891/92 academic year he visited both Germany and France, which is corroborated by Vvedensky's letters from abroad (Vvedensky, 2015). As for the dates of Vvedensky's second trip, the journals of the MTA Council report that the trip took place not in 1896/97, but in 1897/98, without naming the places (Anon., 1898, p. 274).

После смерти Кудрявцева в 1892 г. Введенский перешел на кафедру логики и метафизики МДА, в 1896 г. был утвержден в звании экстраординарного профессора, в 1905 г. возведен в звание ординарного профессора той же кафедры (Там же, с. 396). Профессорами указанной кафедры до Введенского были Ф. А. Голубинский и Кудрявцев, чьи философские взгляды были сформулированы не без влияния кантовского априоризма (подробнее см.: Рожин, 2021; 2023) и чьи идеи Введенский в определенной степени продолжал развивать.

В 1897/98 учебном году Введенский снова ездил в заграничную командировку. Сведений о месте его пребывания обнаружить не удалось. Как отмечает О. Т. Ермишин, в этой поездке он занимался изучением религий Индии (Ермишин, 2009).

За более чем 25 лет своей преподавательской деятельности Введенский опубликовал свыше 100 работ (Из академической жизни..., 1912, с. 448–454), посвященных преимущественно философской тематике. Начиная с 1897 г. регулярно печатался в «Московских ведомостях» в отделе «Критические заметки» (Там же, 1912, с. 453), где и опубликована представленная ниже статья о Канте.

Уже на заре преподавательской карьеры у русского философа складывается непростое отношение к Канту. С одной стороны, Введенский высоко оценивает некоторые идеи Канта, с другой стороны, критикует его:

Глубокая мысль Канта... что абсолютное, по самому понятию своему, не может осуществиться в мире нашего опыта и потому должно навсегда остаться трансцендентальным идеалом нашего разума, — эта мысль содержит в своей основе бесспорную истину. Великий агностик, как и агностики всех времен, заблуждался лишь в том, что настаивал на безусловной и всецелой трансцендентности, а следовательно, и непознаваемости абсолютного (Введенский, 1892, с. 135).

were Fyodor A. Golubinsky and Kudryavtsev whose philosophical views were influenced by Kantian a priorism (see more in Rozhin, 2021; 2023) and whose ideas Vvedensky, in some ways, continued to develop.

In 1897/98 Vvedensky went on another foreign trip. Nothing is known about the place of his sojourn. Oleg T. Yermishin (2009) reports that during that trip he studied Indian religions.

During the course of more than 25 years of his teaching, Vvedensky (1912, pp. 448-454) published more than a hundred papers mostly devoted to philosophy. Beginning from 1897, he regularly contributed to “*Moskovskiye vedomosti*”’s “Critical Remarks” section (Anon., 1912, p. 453), where the article about Kant below was published.

Already at the dawn of his teaching career Vvedensky’s attitude to Kant was bifurcated. On one hand, he speaks highly of some of Kant’s ideas, while on the other, he criticises Kant:

Kant’s profound idea [...] that the absolute, of its very essence, cannot be realised in the world of our experience and hence is destined to remain forever a transcendental idea of our reason — this thought is indisputably true. Where the great agnostic, like agnostics of all times, was wrong was in insisting that transcendence is *unconditional* and *all-encompassing* and hence that the absolute is unknowable (Vvedensky, 1892, p. 135).

It may seem surprising that Vvedensky, as if following Otto Liebmann, calls on contemporary philosophers to “return to Kant”. In an 1884 article devoted to the philosophy of the future, he writes: “[...] the only option is to return to the universally recognised teacher, Kant, and ‘penetrate into the kernel of his philosophy’ [...]. So, what can be found in Kant that can rescue modern philosophical thought from the troubles it has got itself into historically?”

Может показаться удивительным, что Введенский, будто вслед за Отто Либманом, призывает современных философов «Назад к Канту!». В одной из статей 1894 г., посвященной философии будущего, он пишет: «...ничего другого не остается, как возвратиться к общепризнанному учителю — Канту, и “вникнуть в зерно его философии”... Итак, что же можно найти у Канта такого, что бы могло спасти современную философскую мысль от ее, исторически нажитых, неурядиц?» (Введенский, 1894, с. 82). Но и в этом призыве обнаруживается неоднозначное отношение Введенского к великому кёнигсбержцу. У русского философа, кроме поисков фундамента для философии будущего среди «плодотворных зерен» кантовской философии, была и другая цель обращения к ней — «*победить* (ее рациональный элемент. — Д. Р.), понять, сознать недостаточность и восполнить новым началом» (Введенский, 1892, с. 142–143). Поэтому Введенский считает, что «Канта нельзя обойти тому, кто хочет заниматься философией серьезно. Его идеи необходимо изучить и критически продумать: иначе он будет вечно стоять перед сознанием темным и смущающим признаком» (Введенский, 1895б, с. 390). Может показаться, что Введенский эволюционировал в своем отношении к немецкому философу в сторону критики и неприятия, но в одной из лекций, прочитанных им в 1907 г. в Московском Епархиальном доме, содержатся следующие слова: «Сократ и Кант, бесспорно, равновеликие гении в области философии. Но какое различие в их творениях! И это потому, что между ними лежат целых два тысячелетия — с их богатым, унаследованным Кантом духовно-идейным приобретением» (Введенский, 1909, с. 100). Следует заметить, что Введенский, вероятнее всего, читал эти лекции перед духовенством Московской епархии, что делает его признание Канта гением более весомым, поскольку ему не было необходимости перед собранием духовных лиц давать поло-

(Vvedensky, 1894, p. 82). Yet even this call reveals Vvedensky's ambivalent attitudes toward Kant. In addition to seeking foundations for the future of philosophy in the “fruitful kernels” of Kantian philosophy, another aim of turning to it was “to *overcome* [its rational element — D. R.], to understand, become conscious of its insufficiency and complement it with a new element” (Vvedensky, 1892, pp. 142-143). Thus, Vvedensky (1895b, p. 390) is convinced that “[h]e who wants to do philosophy seriously cannot sidestep Kant. His ideas need to be studied and critically thought through: otherwise he will forever loom before our consciousness as a dark and troubling ghost.” One might get the impression that Vvedensky's attitudes toward the German philosopher had evolved in the direction of critique and rejection. But consider what he says in one of his lectures, delivered in 1907 at the Moscow Eparchial House: “Socrates and Kant are indisputably equal geniuses in the domain of philosophy. But what a difference in their works! This is because of the two millennia that separate them — with their rich spiritual and intellectual acquisitions which Kant inherited” (Vvedensky, 1909, p. 100). It must be noted that Vvedensky most likely delivered these lectures to the Moscow Eparchy clergy, which lends greater weight to his recognition of Kant as a genius, since he had no reason to extol to an assembly of clergy the German philosopher who was popular mainly in the philosophical circles.

In terms of content, the article being published here falls into two parts. The idea that runs through both parts is that the “mystical depths”, or “mystical attractions” revealed in Plato's philosophy are important for the development of world-historical thought. In the first part, Vvedensky claims that mystical depths nourish our thought and our activity, whereas in contrast “pseudo-creative capacity” and “pseudo-divine self-sufficiency” lead to “the

жительные характеристики немецкому философу, модному преимущественно в философских кругах.

Содержательно публикуемая ниже заметка делится на две части. Рамкой для обеих частей служит идея о том, что для развития всемирно-исторической мысли важное значение имеют «мистические глубины», или «мистические притяжения», раскрываемые в русле философии Платона. В первой части Введенский утверждает, что мистические глубины питают нашу мысль и нашу деятельность, в то время как противостоящие им «мнимо-“творческая” способность» и «мнимо-божественная самодостаточность» ведут к «наиболее осязаемым в духовной жизни культурного человечества пертурбациям» (см. ниже, с. 159). В последнем случае речь идет о так называемом рационализме «великого автономиста» Канта, который Введенский противопоставляет философии Платона, отдавая ей явное предпочтение.

Вторая часть сосредоточена преимущественно на критике кантовского субъективизма в теоретической философии и концепции автономии нравственного закона в практической философии, которая завершается обвинением немецкого философа в появлении такого рационализма, который «иссушил мысль новейшего культурного человечества» (см. ниже, с. 167).

В конце заметки Введенский тем не менее напоминает читателям о заслугах «великого рационалиста», которыми последний «стяжал себе несомненное, неоспоримое да и не оспариваемое право на бессмертие в истории, на вечную признательность культурного человечества» (см. ниже, с. 168).

Текст статьи публикуется в современной орфографии и пунктуации. Все многоточия принадлежат Введенскому. Смысловые вставки даны в угловых скобках. Астерисками отмечены примечания, принадлежащие автору; арабскими цифрами — комментарии публикатора.

most tangible perturbations in the spiritual life of cultured humanity” (this publication, p. 159). In the latter case we are talking about the so-called rationalism of Kant, “the great autonomist” whom Vvedensky contrasts with the philosophy of Plato, whom he clearly prefers.

The second part focuses on critiques of Kant’s subjectivism in theoretical philosophy, and the concept of autonomy and the moral law in practical philosophy, culminating in the accusation that the German philosopher is responsible for a kind of rationalism which “desiccated the thought of the new cultured humanity” (this publication, p. 166).

At the end of his article, Vvedensky nevertheless reminds the reader of the achievements of “the great rationalist” which “earned him an unquestioned, indisputable, and undisputed right to immortality in history, and to the eternal gratitude of cultured humanity” (this publication, p. 167).

The text of the article uses modern spelling and punctuation. All suspension points are Vvedensky’s. Explanatory inserts are in angled brackets.

THE GREAT RATIONALIST On the Occasion of the Centenary of the Death of Kant (1704 — 31 January¹ — 1804)

I

The royal road of world-historical thought, which brings life-giving moisture to the soil tilled by cultured humanity, does not always go in a straight line, and often takes shortcuts, splitting off into smaller creeks. As a result, irrigation is not always even: some areas occasionally suffer from a surplus of moisture, while others, on the contrary, from a shortage of it.

Or take another simile. Sometimes there occurs a kind of thrombosis, a morbid clogging of

ВЕЛИКИЙ РАЦИОНАЛИСТ По поводу столетия со дня смерти Канта (1704 – 31 января¹ – 1804)

I

Магистраль всемирно-исторической мысли, приносящая для питания возделываемой культурным человечеством почвы духа животворную влагу, идет не всегда в прямом направлении, но нередко принимает обходные пути, причем часто распадается на более или менее мелкие проводящие рукава. Вследствие этого орошение совершается не всегда равномерно: одни районы страдают иногда от избытка влаги, тогда как другие, наоборот, от ее недостатка.

Или возьмем другое сравнение. Происходит порой как бы тромбоз, болезненная закупорка артерий, приносящих в организм общечеловеческой мысли вместе с кровью питательные вещества, вследствие чего совершается гипертрофия одних органов и омертвление, частичное или всецелое, других.

Причины только что указанной нами аномалии в умственной жизни человечества очень сложны, и было бы неуместно входить здесь в их изложение. Но одну, основную по требованию нашей темы, мы укажем.

Своими глубочайшими корнями духовная жизнь человечества уходит в мистические глубины, из которых, как из подземных родников, пробиваются питающие нашу мысль и нашу деятельность ключи живой воды или, как из сердца, струится по артериям кровь. Ни живой воды, ни оживляющей организм крови мы творить не можем: мы можем лишь «помогать природе», оберегая чистоту жизнеспособных начал организма. Но иногда человечество в каком-то непостижимом духовном ослеплении проникается верою в свою собственную мнимую-«творческую» способность и вместо того, чтоб ограничиваться скромной ролью «помощников природы», берется за создание самых начал и источников жизни.

arteries which, along with blood, bring to the organism of common human thought nutritious substances owing to which some organs grow too large and others die away, partially or wholly.

The causes of this kind of anomaly in humankind's intellectual life are highly complicated and it would be inappropriate to go into their discussion here. However, I will point out one cause that is more important for our theme than all the others.

Mankind's spiritual life has its deepest roots the in mystical depths from which springs living water which nourishes our thought and activity like blood flowing through our arteries from the heart. We cannot create either the living water or the blood that nourishes the organism: we can merely "assist nature" by keeping the viable elements of the organisms clean. But sometimes humankind, incomprehensibly blinded by faith in its own pseudo-"creative" capacity, instead of confining itself to the modest role of "nature's helpers", undertakes to create the very origins and sources of life.

It is then that the anomalies pointed out above occur: the springs get clogged, the world's royal road diverts from its course and the pulse of the arteries changes its rhythm.

The eternal tautology of history!

The voice of temptation the first humans heard in the Garden of Eden ("you will be like God knowing good and evil"²) and later echoed through the whole history of humanity – from ancient Prometheus to the modern "Übermensch",³ – the voice of temptation seducing humanity by the ghost of pseudo-divine self-sufficiency ("autonomy") is constantly weaving itself into the fabric of world history; and it is this voice, and not anything other, that produces various deviations from the normal course and various perturbations.

Kant, whom we are commemorating on the occasion of the centenary of his death (12 February New Style and 31 January Old Style) today unites all cultured humanity, is

И вот тогда-то наступают те аномалии, на которые мы указали выше: источники засоряются, мировая магистраль отклоняется от своего пути и пульсация артерий изменяет свой ритм.

Вечная тавтология истории!

Голос соблазна, послышавшийся первым людям в раю («будете, как боги, знающие доброе и лукавое»²) и потом, как эхо, отозвавшийся во всей истории человечества — от древнего Прометея до современного «сверхчеловека»³, — голос соблазна, манящий человечество призраком мнимо-божественной самодостаточности («автономии»), постоянно вплетается в ткань мировой истории и производит — именно он — всякие отклонения от нормального течения и всяческие пертурбации.

Кант, чествование памяти которого по случаю столетия со дня его смерти (12 февраля по новому и 31 января по старому стилю) объединяет теперь все культурное человечество, есть *гениальнейший автономист*, истинный Прометей нового времени, и поэтому-то расцвет его философии есть время наибольшего отклонения мировой магистралю, время наиболее ощутимых в духовной жизни культурного человечества пертурбаций.

О Канте в настоящее время говорят все. Но *понимать* Канта теперь перестают, кажется, даже и самые ревностные из его адептов и пропагандистов его философии.

Дело в том, что за столетие, истекшее со дня его смерти, около его имени образовалась не только литература, но, так сказать, и литература литературы. Вследствие этого Канта знают в настоящее время главным образом из вторых и даже третьих рук⁴. Сами специалисты, философы по профессии, теряются и запутываются в сотканной около него досужими критиками и комментаторами его философии паутине и, будучи подавлены величиим его авторитета, совершенную исключительностью его философской гениальности, часто забывают взглянуть на него в исторической перспективе. От-

the pre-eminent *autonomist of genius*, a veritable Prometheus of the modern time, which is why the flourishing of his philosophy is the time of the greatest deviation from humanity's royal road, the time of the most tangible perturbations in the spiritual life of cultured humanity.

Everybody is talking about Kant today. But today even the most zealous of his adepts and propagandists of his philosophy are ceasing to *understand* Kant.

The thing is that in the hundred years that have elapsed since his death, there has grown up around his name not only a literature, but, as it were, a literature of literature. Consequently, knowledge of Kant today is second-hand and even third-hand.⁴ The specialists, professional philosophers, get lost and confused in the cobwebs created around him by self-styled critics and commentators of his philosophy and, overwhelmed by the grandeur of his authority and his exceptional philosophical genius, often forget to look at him from an historical perspective. Hence, it is mainly due to the loss of the habit of putting him in perspective and seeing him from the viewpoint of eternal ideals of human thought and life, that we are witnessing a *reappraisal* of Kant, a one-sided glorification of his achievements and significance which are becoming more and more commonplace today.

“Kant is a genius”.⁵

Everybody repeats it; it has become a commonplace.

But, one may ask, what does his genius consist in? Let us put Kant in *perspective*.

In the distance of time, there is another, equally indisputable genius, Plato. If we take a closer look at one and the other “genius”, we will readily see the different characters, different shades of genius in the two intellectual leaders and, let it be said now, not to Kant's advantage.⁶

сюда, главным образом именно из этой отвычки ставить его в перспективу и рассматривать с точки зрения вечных идеалов человеческой мысли и жизни, и происходит та *переоценка* Канта, то одностороннее превознесение его заслуг и значения, которые теперь все более и более делаются общими местами.

«Кант гениален»⁵.

Это повторяют все, и это давно уже сделалось общим местом.

Но позволительно спросить: в чем именно заключается его гениальность? Взглянем, прежде всего, на Канта *перспективно*.

Вот в дали времен другой, не менее бесспорный философский гений — Платон. Всмотримся в «гениальность» того и другого, и пред нами сразу же выступит различный характер, различные, так сказать, отливы гениальности обоих вождей мысли и — скажем теперь же — не к выгоде для Канта⁶.

Платон начинал *верою в разум*, в высшем смысле этого слова подслушивающий журчание тех мистических родников, о которых мы говорили выше, и из них получающий главные составные элементы своего питания.

Напротив, Кант начинает *критикой разума*, которому не доверяет, способность которого воспринимать и проводить в духовный организм человечества мистические откровения сущего отрицает, потому что отрицает и реальность самой Высшей Действительности, так что ему ничего не оставалось, как истинно духовную пищу заменить ее суррогатом — «опытом».

Противоположность полная: Платон идет *в линии* высших интересов человечества, Кант — *наперекор им*. Ибо Платон озаряет *этот мир тем миром*, благодаря чему наша земная действительность получает высший смысл, Кант же хочет *поставить этот мир на место того*, пригвоздив предварительно именно к нему все наши помыслы и интересы.

Мы знаем, что с точки зрения современного *кантопоклонничества* проповедуем ересь. Но

Plato started with *faith in reason*, overhearing, in the highest meaning of the word, the gurgling of the mysterious streams we spoke about earlier and extracting from them the main nutrients.

By contrast, Kant starts with *critique of reason*, which he does not trust, denying its ability to perceive and introduce into the spiritual organism of humanity the mystical revelations of being, and thereby denying the reality of the Supreme Reality, such that it only remained for him to supplant the true spiritual food with its surrogate: “experience”.

The polarity is total. Plato proceeds *in line with* the highest interests of mankind; Kant proceeds *against* them. Plato casts on *this world that world* thanks to which our earthly reality acquires a higher meaning, while Kant wants to *put this world in place of that one* after nailing all our aspirations and interests to it.

I am aware that from the viewpoint of modern *Kant-worshipping* I am preaching heresy. But this heresy — if it is heresy — has long been heard in Russia as well, and what is more, in a situation that made this voice — alas, a lone voice — especially clear and sonorous.

Incidentally, this is what Moscow University philosophy professor, the late P.D. Yurkeich,⁷ said nearly forty years ago in his profound university speech:*

“The intellectual character of the modern time is most starkly revealed by the fact that the philosophy of modern time began not with acknowledgement of the truth of pure reason but with *critique of pure reason*.”

Kant’s great work of that title is in stark contrast with the principles that prevailed in knowledge that was predominant during the time from Plato through Leibniz. The contrast can be summed up in the following theses.

* *Reason According to Plato and Experience According to Kant*. Speech delivered at a gala meeting of the Imperial Moscow University, 12 January 1866. See *Moskovskiy universitetskiye izvestia* (Moscow University Newsletters), 1865, № 5, pp. 356-7.⁸

эта «ересь» — если только ересь — уже давно прозвучала и у нас в России, и притом и при такой обстановке, которая делала этот — увы! тогда одинокий! — голос особенно отчетливым и звучным.

Вот что между прочим сказал почти сорок лет тому назад в своей глубокомысленной университетской актовой речи* покойный профессор философии в Московском университете П. Д. Юркевич⁷:

«Умственное направление новейшего времени особенно глубоко характеризуется тем, что философия этого времени начала свое развитие не признанием истины чистого разума, но критикой чистого разума.

Гениальное сочинение Канта, известное под этим именем, образует решительную противоположность с теми сосредоточивавшими знания началами, которые господствовали от Платона до Лейбница включительно. В следующих тезисах можно выразить всю яркость этой противоположности.

Платон. Только невидимая сверхчувственная сущность вещи познаваема.

Кант. Только видимое, чувственное явление познаваемо.

Платон. Поле опыта есть область теней и грез: только стремление разума в мир сверхчувственный есть стремление к свету знания.

Кант. Стремиться разумом в мир сверхчувственный значит стремиться в область теней и грез; а деятельность в области опыта есть стремление к свету знания.

Платон. Настоящее познание мы имеем, когда движемся мышлением *от идей, чрез идеи, к идеям.*

Кант. Настоящее познание мы имеем, когда движемся мышлением *от воззрений, чрез воззрения, к воззрениям.*

* Разум по учению Платона и опыт по учению Канта. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета, 12 января 1866 года. См.: *Московские Университетские Известия*, 1865 г., № 5, стр. 356—7⁸.

Plato. Only the invisible supra-sensual essence of a thing is cognisable.

Kant. Only the visible sensual appearance cognisable.

Plato. The domain of experience is a domain of shadows and dreams; only reason's striving toward the supra-sensual world is a striving toward the light of knowledge.

Kant. To strive by reason to the supra-sensual world means to strive toward the domain of shadows and dreams; activity in the domain of experience is a striving toward the light of knowledge.

Plato. We have true knowledge when we move through thought *from ideas, through ideas, toward ideas.*

Kant. We have true knowledge when we move through thought *from intuitions, through intuitions, to intuitions.*

Plato. Cognition of the essence of the human spirit, its immortality and higher mission deserves being named science: *the king science.*

Kant. This is not science, but a formal discipline which cautions against barren attempts to claim something about the essence of the human soul.

Plato. Cognition of the truth is possible for pure reason.

Kant. Cognition of the truth is impossible either for pure reason or for reason enriched by experiments. The truth [is] that in the latter case cognition is possible: but it would not be cognition of the *truth* but *common* cognition. Science is possible not in the sense that we have access to the truth itself, but in the sense that from the principles of reason and forms of intuition arise universal judgments and necessary judgments, i.e. those suitable for all experience, hence for every human being. Science has everything required for communicating to us commonly useful data, and nothing for enabling us to find the truth.

Платон. Познание существа человеческого духа, его бессмертия и высшего назначения заслуживает по преимуществу названия науки: это *царь-наука*.

Кант. Это не наука, а формальная дисциплина, предостерегающая от бесплодных попыток утверждать что-либо о существовании человеческой души.

Платон. Познание истины возможно для чистого разума.

Кант. Познание истины невозможно ни для чистого разума, ни для разума, обогащенного опытами. Правда [в том], что в последнем случае познание возможно: но это будет не познание *истины*, а только познание *общегодное*. Наука возможна не в том смысле, чтобы нам была доступна самая истина, но в том, что из начал разума и форм воззрения происходят всеобщие и необходимые суждения, то есть годные для всякого опыта, следовательно, для всякого человека. Наука имеет все условия для того, чтобы сообщить нам общегодные сведения, и ни одного условия для познания истины.

Это удивительное учение примиряет Платона с Протагором и Лейбница с Давидом Юмом, и оно-то составляет душу нашей науки и нашей культуры. Оно соответствует той социальной теории, которая надеется основать общественный быт и благо народов не на вечных законах справедливости, но на всеобщем личном согласии граждан⁹.

В этих замечательных словах проф. Юркевича метко схвачена самая сущность, самая, так сказать, *душа* философии Канта, в ее отличии от философии Платона и вместе — в ее уклонении от магистрали общечеловеческой мысли, проникнутой исканием *чистой истины* и потому обвеянной дыханием живого и животворящего *Духа Истины*.

II

У Канта есть страницы удивительной художественной красоты и почти смущающей решительности, которые, притом, по-видимому,

This remarkable teaching reconciles Plato with Protagoras and Leibniz with David Hume, and it constitutes the soul of our science and our culture. It accords with the social theory which hopes to see social being and the good of peoples to be based, not on eternal laws of justice, but on universal personal agreement of citizens.”⁹

These remarkable words of Prof. Yurkevich pinpoint the essence, so to speak, the *soul* of Kant’s philosophy in its difference from Plato’s philosophy and at the same time in its deviation from the royal road of universal human thought imbued with the quest of pure truth and therefore with the living and life-creating *Spirit of Truth*.

II

Kant has pages of striking beauty and almost awesome determination which, however, seem to challenge the answer we have just given to the question about the true meaning of Kant’s philosophy.

Being open to the deepest spiritual feelings, Kant, as he admitted, was constantly spellbound by the beauty of the starry sky above and the moral law within him — the two most powerful manifestations of the Exalted. According to the “categorical imperative”, he demanded from himself and from others an unconditionally moral way of life and, based on practical moral motives, he “postulated” free human will, immortality of the soul, and the existence of God. In short, he “destroyed the edifice of science in order to build a temple of God”.¹⁰

Thus, even through these lofty and poetic-sounding aphorisms of the Kantian philosophy, the popular notion of it is formed, with the philosopher naturally coming across as a simon-pure idealist.

And yet, let us not leave the solution of such an important matter to opaque references, to

всцело говорят против только что установленной нами точки зрения на вопрос о подлинном смысле кантовской философии.

С отзывчивостью натур, способных к глубочайшим духовным переживаниям, Кант, по его словам, постоянно испытывал обаяние неотразимой красоты звездного неба над собою и нравственного закона в самом себе, — этих двух наиболее ясных откровений Возвышенного. По силе категорического «императива» (безусловного повеления), он требовал от себя и других безусловно-нравственного образа жизни, а по мотивам нравственно-практическим «постулировал» свободу человеческой воли, бессмертие души и бытие Божие. Словом, он «разрушил здание науки, чтобы создать храм Богу»¹⁰.

Так, в направлении именно этих, возвышенно и поэтически звучащих, афоризмов кантовской философии слагается популярное представление о ней, причем философ естественно вырисовывается как идеалист чистейшего типа.

Не будем, однако, предоставлять решение важного дела глухим ссылок на вдохновенно-неясные словесные красоты и попытаемся, насколько позволяет характер настоящей статьи, войти в подлинное зерно приведенных афоризмов.

«Звездное небо»... «Нравственный закон»... Но что сказал бы представитель популярного понимания философии Канта, если бы он узнал, что, согласно ее подлинному смыслу, и звездное небо, и нравственный закон — все это *от* человека и только *в* человеке как *его собственные создания*, и что, если как человек и простой смертный Кант склонялся *пред* этими откровениями Возвышенного в чувстве трепетного смирения, то как философ он сознавал себя над ними как их творец?.. А между тем это именно так.

Трудно в популярной статье поставить читателя на подлинно-кантовскую точку зрения. Но вот ряд упрощенных соображений — прежде всего по вопросу о звездном небе и всей вообще природе.

inspired but vague verbal splendours, and try, as far as the character of this article permits, to penetrate into the real kernel of the above-cited aphorisms.

“The starry sky...” “The moral law...” But what would someone with a superficial acquaintance with Kant’ philosophy say if he learned that, according to its real meaning — the starry sky and the moral law — all come from man and all are his own creations; and that whereas Kant, being human and mortal, bowed to these manifestations of the Exalted with trepidation and humility, as a philosopher he felt he was above them, as their creator? And yet this was so.

It is difficult in a popular article to communicate to the reader the genuine Kantian point of view. But here are some simplified notions, above all on the question of the starry sky and of nature as a whole.

Philosophical analysis (let us not forget that Kant is above all an analyst and critic) resolves all external reality into rows and groups of sensations. Sensations, according to Kant, are subjective through and through; that is, are within us and nowhere else.

Further, sensations abide in the forms of space and time. But again, these forms are subjective, that is, are only within us and nowhere else.

Finally, sensations, united by the forms of space and time, make up stable groups which are not amenable to our arbitrary shifting, called “objects” according to categories: substances, causality, quantity, quality, etc. But these links, again, are subjective, that is, they are within us and nowhere else.

Thus, from the viewpoint of the genuine Kant our reason creates things in the true sense, and things exist only for us and not by themselves.¹¹

What, then, are we to make of “the beautiful starry sky” which so inspired Kant?

Под властью всеразлагающего философского анализа (не забудем, что прежде всего Кант аналитик и критик) вся внешняя действительность разрешается в ряды и группы ощущений. Ощущения же, по Канту, всецело и насквозь субъективны, то есть находятся в нас и нигде больше.

Далее. Ощущения размещаются в формах пространства и времени. Но эти формы опять-таки субъективны, то есть находятся только в нас и нигде больше.

Наконец, ощущения, объединенные формами пространства и времени, связываются в устойчивые, не подлежащие нашему произвольному перемещению группы, называемые нами «предметами», по категориям: субстанции, причинности, количества, качества и т. д. Но эти связи опять-таки субъективны, то есть опять же находятся в нас и нигде больше.

Таким образом, с точки зрения *подлинного* Канта, *наш* разум в собственном смысле является *творцом вещей* и вещи существуют *только для нас, а не сами по себе*¹¹.

Что же, — спрашивается теперь, — мы должны думать о «прекрасном звездном небе», которым так вдохновлялся Кант?

Оно отступило в область собственных созданий нашего духа, — пусть созданий «необходимых», то есть общегодных, одинаковых у всех и для всех, — в действительности же, самого по себе, его нет. Человек, как курильщик опиума, создает себе миражи и картины и, так как этим делом занимаются все и вполне серьезно, то всем *кажется* одно и то же, одна и та же «природа». Но философ-аналитик прозревает-де иллюзорный характер наших представлений о звездном небе, как и всей вообще природе, и жаль только, что он одинок, что «чуждая глубокомыслия» толпа... до него не доросла...

Нечто подобное, с точки зрения подлинного Канта, мы должны сказать и о нравственном законе.

It has receded into the domain of the figments of our spirit, perhaps “necessary” ones, that is, commonly useful, the same with all and for all — but in reality it does not exist in itself. Man, like an opium smoker, creates mirages and pictures for himself and, since all people are into this business, and seriously so, the same picture and the same “nature” *appears* to everyone. The analytical philosopher sees through the illusory character of our representations of the starry sky, and nature in general, but unfortunately he is alone because the “unthinking crowd” ... has not grown up to his height...

Something similar, according to Kant, we have to say about the moral law.

Kant’s moral philosophy is known to have two distinguishing features: first, the teaching on the moral self-legislation of man, or so-called *autonomism*; and second, the teaching on his moral self-sufficiency, or so-called *autarchy*.

The human being is morally autonomous: this means that he should be the law unto himself. The “autonomous” moral law says: “act so that the rule which guides your will in each particular case could become a universal law; that is, have the form of a universal law”.¹² But whether your way of acting in some case or other “can become a universal law” is something that is known to you and to no one else.¹³ Consequently, you lay down the moral law. You are a self-contained moral subject.

The human being is morally self-sufficient: this means that in order to live morally man does not need any help, not even from God, and should not seek it, for this would demean the dignity of a good deed; he should not even bring in his good inclinations, but should act exclusively out of a sense of duty.¹⁴

Just as the teaching on the moral *autonomy* of man elevates him to the position of maker of his own moral law and of unassailable moral authority, so his teaching on moral *autarchy* vests him with unlimited power.

Известно, что нравственная философия Канта характеризуется двумя чертами: учением о нравственной самозаконности человека, или так называемым *автономизмом*, во-первых, и учением о его нравственной самодостаточности, или так называемой *автаркии*, во-вторых.

Человек нравственно автономен: это значит, что он сам для себя должен быть законом. «Автономный» нравственный закон говорит: «поступай так, чтобы то правило, которым в каждом отдельном случае руководствуется твоя воля, могло бы сделаться всеобщим законом, то есть имело бы форму всеобщего закона»¹². Но как решить, что для того или другого случая твой образ действий «мог бы сделаться всеобщим законом», — про это ведаешь ты сам и никто больше¹³. Следовательно, ты — единственный нравственный законодатель. Ты самоисточный нравственный субъект.

Человек нравственно самодостаточен: это значит, что для того, чтобы жить нравственно, человек не нуждается ни в какой помощи, хотя бы то и помощи Божией, и не должен к ней обращаться, ибо это унизило бы достоинство доброго дела, не должен нуждаться даже в поддержке со стороны своих добрых склонностей, но должен действовать исключительно по сознанию обязанности¹⁴.

Как учением о нравственной *автономии* человека он возводится в достоинство самоисточного нравственного законодателя и безусловного нравственного авторитета, так учением о нравственной автаркии ему усваивается мощь безграничная.

Заметим, как предусмотрительно и последовательно закрываются здесь все выходы в мир высший, Божественный: с точки зрения Канта, он просто оказывается *излишним*, потому что — предполагается — человек в самом себе имеет все то, что необходимо для его нормальной жизни, то есть и *собственный закон*, и *собственные силы* для его выполнения.

В итоге, таким образом, и здесь получается то же, что в применении к группе других вопросов мы видели выше: и в жизни как в постанов-

Let us note how circumspectly and consistently all exits to the higher, Divine world are shut: according to Kant, it turns out to be *superfluous* because it is assumed that man has within himself all that is needed for his normal life, that is, his *own* law and his *own* power to observe it.

As a result, we arrive at the same conclusion we saw with regard to the group of other questions we mentioned earlier: in life, as in the positing of an external reality, man, according to the real Kant, too, is a self-generating element other than which there are basically no realities, not excluding the unconditional reality... Such is the *true* meaning of Kant's abstruse explanations shorn of their abstract purity, their nebulous covers.

Hold on a minute, we may be stopped and asked. Didn't Kant teach us about Divinity, immortality of the soul, and free will?...

Fair enough. But there again we have to take Kant's teaching in its genuine and proper meaning.

The thing is that God and the immortal, personally free human spirit, from the point of view of the real Kant, are not realities but merely the demands ("postulates") of our thought and at best "regulative" principles of life: we must live, Kant teaches, *as if* these were realities, but the existence of these realities cannot be proved.¹⁵

We should carefully weigh the meaning of the assertions of the true Kant before hastening to declare him a "simon-pure idealist". If it is true that the existence of higher realities (God and the human spirit) cannot be *proved*, then everyone will be living in his own way: one as if these realities really existed and another as if they did not exist at all. What would you say to the latter in response to his statement that he does not want to forgo the *real* goods — even if

ке внешней действительности человек, с точки зрения подлинного Канта, есть самоисточное начало, кроме которого нет, в сущности, никаких других реальностей, не исключая и безусловной... Таков *подлинный* смысл глубокомысленных разъяснений Канта, взятых в их отрешенной чистоте, без условно-неясных покровов.

Как же, однако? — остановят и спросят нас: — Но ведь Кант учил и о Божестве, и о бессмертии души, и о свободе воли?..

Совершенно верно. Но и здесь опять следует взять кантовское учение в его подлинном и собственном смысле.

Дело в том, что Божество и бессмертный, свободно-личный человеческий дух, с точки зрения подлинного Канта, не суть реальности, а суть лишь требования («постулаты») нашей мысли и, в лучшем случае, направляющие («регулятивные») принципы жизни: нужно — учит Кант — действовать и жить так, *как будто бы* это были реальности, но доказать существование этих реальностей невозможно¹⁵.

Следует хорошо взвесить смысл этих утверждений подлинного Канта, прежде чем поспешно вводить его в ряды «идеалистов чистейшего типа». Ведь если, в самом деле, *доказать* бытие высших реальностей (Божества и человеческого духа) нельзя, то каждый будет жить по-своему: один так, как будто бы эти реальности действительно существовали, а другой так, как будто бы их вовсе нет. И что же вы скажете этому последнему в ответ на его заявление, что он не хочет отказываться от *реальных* благ, — пусть и предосудительных с точки зрения «категорического императива», — ради *проблематических* надежд на продолжение жизни в мире потустороннем?..

«Трагическое, потрясающее в философии Канта», — пишет один из его проникновеннейших истолкователей (Виндельбанд, «Философия Канта», стр. 105), — «состоит в том, что ценность познавательной деятельности человека состоит лишь в работе для цели, которая по самому своему понятию никогда не может

they are reprehensible in terms of the “categorical imperative” — for the sake of problematic hopes for life after death?..

“The tragic and astonishing thing about Kant’s philosophy”, writes one of the most insightful interpreters of Kant (Windelband, *The Philosophy of Kant*, p. 105), “is that the value of man’s cognitive activity consists only in working toward a goal which *intrinsically* cannot be achieved, such that an irreconcilable contradiction arises between the tasks of cognition and the means it has for solving them.”¹⁶

The contradiction is indeed “irreconcilable”. Not only irreconcilable, but downright fateful. On the one hand, it is true that reason is declared to be the self-contained element of nature and life, their law-giver and creator; on the other hand, you are told in advance that whatever your work renders is only a hypothesis, a surmise, a postulate, but not the truth in the proper (objective) sense.

We are looking at a game of juggling with concepts, something like the futile work of Penelope who by night undid part of the shroud she had weaved by day.

And yet Kant’s critique exerted a fateful influence on all the following European thought.

It was undoubtedly due to Kant’s influence that the West saw the emergence of *rationalism*, which measures everything against human reason, and which has desiccated the thought of the new cultured humanity; and of *criticism*, which robbed life of all concrete content and all creatively positive inspiration. All that is negative and destructive, however its blood kinship with Kant’s philosophy may be disguised, is linked to it directly or indirectly,¹⁷ and any whiff of the “critical spirit” can often be traced to where it would seem to be least expected — from theology to political economy and from the theory of knowledge to the arts.

быть достигнута, так что возникает *неразрешимое противоречие* между задачами познания и средствами, которыми оно обладает для их решения»¹⁶.

Противоречие действительно «неразрешимое». И не только неразрешимое, но и прямо-таки роковое. С одной стороны, в самом деле, разум объявляется самоисточным началом природы и жизни, их законодателем и творцом, с другой — заранее объявляется, что все, до чего бы он ни доработался, есть лишь гипотеза, предположение, постулат, но не истина в собственном (объективном) смысле.

Получается таким образом какая-то игра в понятия — нечто подобное безрезультатному труду Пенелопы, которая ночью сама же и распускала все то, что ей удавалось сработать днем.

А между тем критика Канта имела роковое влияние на всю последующую европейскую мысль.

Несомненно, что именно под влиянием Канта на Западе развился тот, все на свете измеряющий меркою человеческого разумения, *рационализм*, который иссушил мысль новейшего культурного человечества, и тот все без остатка в человеческих верованиях и положительных началах жизни просеивающий *критицизм*, который лишал жизнь всякого конкретного содержания, всех творчески-положительных вдохновений. Все отрицательное и разрушительное, как бы ни было иногда замаскировано от поверхностного взора его кровное сродство с философией Канта, прямо или косвенно стоит с нею в связи¹⁷, и отдаленное веяние «критического духа» часто можно проследить даже и там, где его, по-видимому, всего меньше можно ожидать, — от теологии до политической экономии и от теории знания до искусств.

Конечно, мы не можем забывать, — и особенно именно теперь, в дни юбилейных чествований Канта, — не можем забывать бессмертных заслуг «великого рационалиста» пред историей мысли.

Of course we cannot forget — especially at present during the jubilee celebration of Kant — we cannot forget the immortal services of “the great rationalist” to the history of thought.

He awakened mankind from dogmatic slumber and confronted it with all the questions “one cannot help thinking about”.¹⁸ His genius gave a powerful impetus to all thought in the past century. He imposed an authoritative ban on dogmatic negation by saying that while we have no right to *assert* the existence of higher realities, we have still less cause to *deny* them. He gave firm speculative principles to empirical natural science devoid of “deep thought”. He laid an imprint of serious “moralism” on our activity. He promoted the development and triumph in the first half of the nineteenth century of the teaching on “selfless” aesthetic intuition. For the first time, with remarkable seriousness he developed... the idea of universal “perpetual peace”...

All this is true and all this, and much else, earned him an undoubted, indisputable and undisputed right to immortality in history, to the eternal gratitude of cultured humanity.

And yet the meaning of jubilee celebrations consists not only in providing an occasion for remembering and extoling the person being honoured, but also, and even more importantly, so that we may better find our bearings in the surrounding reality and the tasks of thought and life, in the light of the activity and thought of the person being honoured.

Just like the heavenly bodies day and night show the people who understand their silent language their paths, so the great people who have left us for silent eternity, by the traces of the deeds and thoughts they have left behind, help us directly or indirectly to find our own path to eternity.

And so, if on the day of the centenary of Kant’s death we look at what in all justice can

Он пробудил человечество от догматической спячки и поставил перед его сознанием в неотступной форме все те вопросы, «о которых нельзя не думать»¹⁸. Могучим толчком своей гениальности он сообщил движение всей мысли истекшего века. Он положил авторитетный запрет догматическому отрицанию, сказав, что если мы не имеем права *утверждать* бытие высших реальностей, то еще меньше имеем право их *отрицать*. Он дал твердые *умозрительные* начала для «лишенного глубокомыслия» эмпирического естествознания. Наложил на нашу деятельность печать серьезного «морализма». Содействовал развитию и торжеству в первой половине XIX века учения о чистом «бескорыстном» эстетическом созерцании. Впервые с достойной вниманием серьезностью развивал... идею всеобщего «вечного мира»...

Все это так и всем этим, как и многим другим, Кант стяжал себе несомненное, неоспоримое да и не оспариваемое право на бессмертие в истории, на вечную признательность культурного человечества.

Однако смысл юбилейных чествований, конечно, не в том только состоит, что они служат поводом для воспоминания и восхваления лиц чествуемых, но также — и даже в большей мере — и в том, чтобы чрез них при свете деятельности и мысли лиц чествуемых мы сами могли лучше ориентироваться в окружающей нас действительности и в задачах мысли и жизни.

Подобно тому, как светила небесные и днем и ночью указывают людям, умеющим понимать их молчаливый язык, их пути: так и ушедшие от нас в молчаливую вечность великие люди следами оставленных ими дел и мыслей прямо или косвенно помогают нам в отыскании наших собственных ведущих к вечности путей.

И вот если в день столетнего юбилея со дня смерти Канта мы взглянем на то, что по всей справедливости можно назвать делом его жизни, на его философию, и притом возьмем ее

be called his life's work, his philosophy (and not in the superficial popular later interpretations, but in their true essence), side by side with reasons for remembering "the great rationalist" with gratitude, we should derive another lesson: namely, an indication of how and under what circumstances even great minds may stray from the royal road of thought illumined by universal human ideals.

Living thought — this is the jubilee lesson — inevitably dries up and turns into lifeless rationality if it is divorced from the mystical attractions and principles of thought, and is sustained not by *faith* in them, as with Plato, but by their *critique*, as with Kant whom we are celebrating today.

Professor Alexey Vvedensky

Commentary

¹ The date according to the Julian calendar; 12 February according to the Gregorian calendar.

² Vvedensky quotes the Bible, Genesis (3:2) in the Russian translation by Pavel Alexandrovich Yungierov (1856 — 1921) (*cf.* Yungierov, 2007).

³ Vvedensky was familiar with Nietzsche's work and had an idea of Nietzschean ethics (see Vvedensky, 1909, pp. 64, 75, 134, 136-137). Interestingly, 1905 saw the publication of a Russian translation of a 1903 book by Alfred Fouillée *Nietzsche et "l'immoralisme"* (Fouillée, 1905). The 2006 reprint mentioned A.I. Vvedensky as the translator from the French, but contained no information about him. I surmise that "A." stands for Alexey (Vvedensky), which is corroborated by several facts. First, Vvedensky showed an interest in the philosophy of Fouillée long before the publication of the translation, as witnessed by the 1892 article "Fouillée and the Metaphysics of the Future" (Vvedensky, 1892). Second, Vvedensky

не в поверхностно-популярных наслоениях, но в подлинном существе, то рядом с поводами к признательному воспоминанию о «великом рационалисте» можем извлечь для себя и поучительное указание — именно указание на то, как и при каких условиях даже гениальные умы могут уклоняться от магистрали мысли, озаренной сиянием общечеловеческих идеалов.

Живая мысль — таков этот юбилейный урок — неизбежно иссыхает и превращается в омертвевшую рассудочность, коль скоро она разъединена с мистическими притяжениями и началами мысли и держится не *верою* в них, как Платон, а их *критикой*, как ныне чествуемый Кант.

Профессор Алексей Введенский

Комментарии

¹ Дата указана по юлианскому календарю, по григорианскому — 12 февраля.

² Введенский приводит цитату из библейской книги Бытие (3: 2) по русскому переводу Павла Александровича Юнгера (1856–1921) (Книга..., 2007).

³ Введенский был знаком с творчеством Ницше и имел представление о ницшеанской этике (см.: Введенский, 1909, С. 64, 75, 134, 136–137). Любопытен тот факт, что в 1905 г. был опубликован русский перевод вышедшей в 1903 г. книги А. Фулье «Nietzsche et "l'immoralisme"» (Фулье, 1905). В переиздании 2006 г. указано, что перевод с французского выполнил А. И. Введенский, причем без каких-либо сведений о переводчике (Фулье, 2006). Я предполагаю, что это был именно Алексей Введенский, в пользу чего говорит ряд фактов. Во-первых, Введенский свой интерес к философии Фулье проявлял еще задолго до появления рассматриваемого перевода, свидетельством чему служит статья 1892 г. «Фулье и метафизика будущего» (Введенский, 1892). Во-вторых, Введенский

had a good command of French, having spent the 1891/92 semester at the Paris University (Sorbonne and Collège de France), where he attended lectures in various philosophical disciplines (Vvedensky, 1893, p. 438; see also footnote 5 on p. 154 of this issue). Third, Vvedensky was a connoisseur of contemporary French philosophy, as witnessed by his hefty "Essay on Contemporary French Philosophy. The Philosophy of Modern France", serialised in the journal "*Vera i razum*" for 1893 and 1894. Further indirect proof may be the translation of selected parts of Fouillée's monograph published in 1904 in "*Vera i razum*" under the title "Nietzsche's Philosophy Critically Rendered by Alfred Fouillée", signed by a D. Vvedensky (Fouillée, 1904a; 1904b) — possibly Biblical scholar Dmitry I. Vvedensky (1873–1954), of whose interest in Nietzsche or Fouillée nothing is known. If we suppose that "*Vera i razum*" printed Russian "Д" ("D") instead of "А" this may point to Alexey Vvedensky. However, a cursory comparison of an abridged 1904 translation and the full Russian translation of 1905 reveals significant differences, which makes it less likely that the two translations were made by one and the same person.

⁴ Most probably Vvedensky has in mind the proliferation of interpretations of Kantian texts by representatives of those philosophical trends who, at the turn of the nineteenth and twentieth centuries, sought to proceed from Kant's philosophy and at the same time "to complement and correct it" (see Vvedensky, 1891, p. 306).

⁵ Vvedensky appears to be mocking such pronouncements about Kant but, almost three years after the article being published here, Vvedensky (1909, p. 100) will say in a 1907 lecture: "Socrates and Kant, undoubtedly, are geniuses of equal stature in the field of philosophy."

⁶ Many Russian religious philosophers tended to juxtapose Plato and Kant, and to prefer

хорошо владел французским языком: так, он проходил стажировку в летний семестр 1891/92 учебного года в Парижском университете (Сорбонна и Collège de France), где посещал лекции по различным философским дисциплинам (Введенский, 1893, с. 438; см. также сн. 5 на с. 154 наст. публ.). В-третьих, Введенский был знатоком современной ему французской философии, о чем свидетельствует его обстоятельный «Очерк современной французской философии. Философия в современной Франции», опубликованный в нескольких частях в журнале «Вера и разум» за 1893 и 1894 гг. В качестве еще одного косвенного подтверждения может быть привлечен перевод избранных частей монографии Фулье, опубликованный в 1904 г. в журнале «Вера и разум» под названием «Религия Ницше в критическом изложении Альфреда Фулье» неким Д. Введенским (Фулье, 1904а; 1904б) — возможно, библиистом Дмитрием Ивановичем Введенским (1873—1954), об интересе которого ни к Ницше, ни к Фулье, однако, ничего не известно. Если предположить, что в журнале «Вера и разум» в обозначении имени автора была допущена опечатка и вместо «А» появилось «Д», то речь может идти об Алексее Введенском. Вместе с тем беглое сравнение сокращенного перевода 1904 г. и полного русского перевода 1905 г. обнаруживает значительные текстовые различия, что не говорит в пользу версии, будто переводчиком был один и тот же человек.

⁴ Скорее всего, Введенский здесь подразумевает обилие интерпретаций кантовских текстов представителями тех философских направлений, которые на рубеже XIX—XX вв. стремились опереться на философию Канта и одновременно «ее восполнить и исправить» (см.: Введенский, 1891, с. 306).

⁵ Может показаться, что Введенский иронизирует над подобными высказываниями в адрес Канта, но спустя почти три года после выхода в свет публикуемой заметки Введен-

Plato to Kant. However, this position diverges from that of Neo-Kantians and from the results of modern Kantians—for example, Manfred Baum (2019), who has demonstrated Plato's influence on Kant's moral philosophy. Neo-Kantian Paul Natorp noted that “[i]t was only the rebirth of Kantian idealism that at the same time brought about a complete understanding of Plato's idealism”⁷ (Natorp, 1921, p. VI), and described Hermann Cohen, the founder of the Marburg school of Neo-Kantianism, as “the person who opened our eyes to Plato, as he did for Kant”⁸ (*ibid.*). Before Cohen, an interpretation of Plato's teaching on ideas was proposed by Rudolph Hermann Lotze (1912, pp. 505-523) in his *Logic*, whose ideas, according to Vasilij V. Zenkovsky, were partly borrowed by Natorp in the reading of Plato (Zenkovsky, 1908, pp. 591-592). At the same time, it has to be noted that Zenkovsky, while crediting Natorp's commentary on Plato's dialogues, writes: “Natorp committed a grave sin against the genuine Plato by discolouring and desiccating his colourful thought [...]. It was the philological sin that enabled Natorp to turn Plato into a Greek Kant, shutting him off from the metaphysical meaning of Plato's teaching” (Zenkovsky, 1908, p. 612). Zenkovsky comes to the conclusion that “Natorp misunderstood Plato” (*ibid.*, p. 619).

⁷ Pамфил D. Yurkevich (1826—1874) was invited to Moscow University in 1861 from the Kiev Theological Academy, partly under the influence of Mikhail N. Katkov (Pavlov, 2007, pp. 98-99). At Moscow University, Yurkevich was frequently a target of criticism and attacks, sometimes bordering on baiting. So, he committed his creative potential to pedagogy as well as the history of the philosophy of law (*ibid.*, pp. 103-104).

⁷ Cf. “Erst die Wiedergeburt des kantischen Idealismus hat zugleich für den Idealismus Platons volles Verständnis gezeitigt.”

⁸ Cf. “Ich stehe nicht an, Hermann Cohen als den zu nennen, der uns, wie für Kant, so für Plato die Augen geöffnet hat.”

ский в своей лекции в 1907 г. скажет: «Сократ и Кант, бесспорно, равновеликие гении в области философии» (Введенский, 1909, с. 100).

⁶ Противопоставление и предпочтение Платона Канту характерно для многих русских религиозных философов. Однако такое воззрение расходится как с позицией неокантианцев, так и с результатами исследований современных кантоведов, например Манфреда Баума, демонстрирующего влияние Платона на кантовскую моральную философию (Баум, 2019). Неокантианец Пауль Наторп отмечал, что «лишь возрождение кантовского идеализма привело к полному пониманию идеализма Платона» (Natorp, 1921, S. VI), а основателя Марбургской школы неокантианства Германа Когена он назвал «человеком, открывшим нам глаза на Платона, как он открыл нам глаза на Канта» (Ibid.). Известно, что до Когена интерпретацию учения Платона об идеях предложил Рудольф Герман Лотце в своей «Логике» (Lotze, 1912, S. 505–523), на идеи которого, по мнению В. В. Зеньковского, Наторп в прочтении Платона отчасти и опирался (Зеньковский, 1908, с. 591–592). В то же время нельзя не заметить, что Зеньковский, высоко оценивая комментарии Наторпа к диалогам Платона, вместе с тем отмечает: «Наторп совершил тяжкий грех по отношению к подлинному Платону, обесцветив и иссушив его образную мысль... Именно филологический грех позволил Наторпу превратить Платона в греческого Канта, закрыл перед ним метафизический смысл учения Платона» (Там же, с. 612). В итоге Зеньковский резюмирует: «...Наторп не понял Платона...» (Там же, с. 619).

⁷ Памфил Данилович Юркевич (1826–1874) был приглашен в Московский университет в 1861 г. из Киевской духовной академии не без влияния М. Н. Каткова (Павлов, 2007, с. 98–99). В Московском университете Юркевич регулярно подвергался критике и нападкам, иногда даже травле. Поэтому весь свой творческий

Of the well-known disciples of Yurkevich, Vladimir S. Solovyov gave him this assessment: “Yurkevich was a deep thinker, an excellent connoisseur of the history of philosophy, especially ancient, and a very able professor who delivered highly informative lectures which were exceedingly interesting for those who understood them” (Solovyov, 1900, p. 332). As for Yurkevich’s attitude toward Kant, Solovyov makes this comment: “In May of 1873 he spent a whole evening explaining to me that Kant had the only sound philosophy and that Jacob Boehme, Leibniz, and Swedenborg were the last of the truly great philosophers. From Kant, philosophy is beginning to go mad, and with Hegel the madness takes the incurable form of *megalomania*” (Solovyov, 1900, p. 334).

One of the Yurkevich lectures attendees, V. Lebedev, recalled: “In my time, P.D.’s truly remarkable lectures on Kant were very popular. [...] In the Kant lectures, P.D. corrected many inaccuracies committed by Kuno Fischer in rendering that philosopher’s teaching” (Lebedev, 1874). Even after Yurkevich’s death his name was attacked. For example, another of Yurkevich’s listeners wrote in an anonymous letter that “journalism took care to present the late professor as an obscurantist and a monster of depravity” (Anon., 1874, p. 2).

Gustav G. Shpet wrote that “the philosophical buttress of Yurkevich was Platonism, and the touchstone on which his thoughts were honed was Kant’s *Critique*” (Shpet, 1914, p. 687). Leonard A. Kalinnikov (1997, p. 95) believes that “Yurkevich initiated more than a century-old tradition of the Russian religious philosophy of trying to build a modern epistemological theory on the basis of a synthesis of the philosophical systems of Plato and Kant.”

⁸ Yurkevich’s speech was published in the 1865 volume of the Moscow University Newsletter, put out in 1866 (cf. Yurkevich, 1865).

потенциал он направил на проблемы педагогики, а также истории философии права (Там же, с. 103–104).

Что касается известных учеников Юркевича, то одним из них был В. С. Соловьев, давший своему наставнику следующую характеристику: «Юркевич был глубокий мыслитель, превосходный знаток истории философии, особенно древней, и весьма дельный профессор, читавший чрезвычайно интересные для понимающих и содержательные лекции» (Соловьев, 1900, с. 332). Что касается отношения Юркевича к Канту, то Соловьев отмечает: «...в том же мае 1873 года он целый вечер объяснял мне, что здравая философия была только до Канта, и что последними из настоящих великих философов следует считать Якоба Бёма, Лейбница и Сведенборга. От Канта же философия начинает сходить с ума, и это сумасшествие принимает у Гегеля неизлечимую форму *мании величия*» (Там же, с. 334).

Один из слушателей Юркевича, В. Лебедев вспоминал: «В наше время славились лекции П. Д. о Канте, действительно замечательные. <...> В лекциях о Канте П. Д. исправил многие неправильности, сделанные Куно Фишером в изложении учения этого философа» (Лебедев, 1874). Даже после смерти Юркевича его имя подвергалось нападкам, в частности другой слушатель Юркевича в анонимном письме заметил, что «журналистика позаботилась представить покойного профессора мракобесцем и нравственным уродом» (Несколько слов о П. Д. Юркевиче, 1874, с. 2).

Г. Г. Шпет отмечает, что «философской опорой Юркевича был платонизм, а оселком, на котором так тонко отточились его мысли, была Критика Канта» (Шпет, 1914, с. 687). Л. А. Калинин считает, что «Юркевич начал более чем вековую традицию русской религиозной философии пытаться построить современную гносеологическую теорию на основе синтеза философских систем Платона и Канта» (Калининников, 1997, с. 95).

⁹ In 1914 Shpet (1914, pp. 682-683) quoted practically verbatim an extract from Yurkevich's speech in an article dedicated to him, which gives us an idea of the resonance Yurkevich's speech had in Russian philosophical thought.

¹⁰ Presumably Vvedensky's paraphrase of the famous sentence from Kant's preface to the second edition of the *Critique of Pure Reason*: "Thus I had to deny knowledge in order to make room for faith" (*KrV*, B XXXI; Kant, 1998a, p. 117).

¹¹ Vvedensky reduces Kant's transcendental idealism to phenomenalism, or subjective idealism. This interpretation harks back to the famous "Göttingen Review" (1782), by Christian Garve and Johann Georg Heinrich Feder, of the first edition of the *Critique of Pure Reason* (Rohlf, 2020). This review started the "Kant-Berkeley tradition", whereby we deal not with the appearances of objects, but with their representations in our consciousness (Howell, 2017, p. 35). This approach holds that things in themselves belong to objective reality, and things for us to subjective reality (Rohlf, 2020). Kant is known to have objected to such a reading of his first *Critique*, such that in the second edition he made changes in "The Transcendental Esthetic" and added a section entitled "Refutation of Idealism" (*KrV*, B 274-279; Kant, 1998a, pp. 326-329), in which he refutes Descartes's problematic idealism and Berkeley's dogmatic idealism, concluding that "the consciousness of my own existence is at the same time an immediate consciousness of the existence of other things outside me" (*KrV*, B 276-277; Kant, 1998a, p. 327). Indeed, that Kant never questioned the status of external objects is already clear from "The Transcendental Esthetic": sensations arise within us precisely due to the impact of an object on our sensibility (*KrV*, B 33-34; Kant, 1998a, pp. 172-173). In "The Transcendental Aesthetic" Kant writes: "Our transcendental idealism,

⁸ Речь Юркевича была опубликована в томе «Московские университетские известия за 1865 год», который вышел в 1866 г. (Юркевич, 1865).

⁹ В 1914 г. почти в том же виде Шпет представит выдержку из речи Юркевича в специально посвященной ему статье (Шпет, 1914, с. 682–683), что показывает, насколько речь Юркевича была резонансной в последующей русской философской мысли.

¹⁰ Предположительно парафраз Введенским известного высказывания Канта из предисловия ко второму изданию «Критики чистого разума»: «Итак, я должен был приподнять, отодвинуть знание, чтобы [свое] место заняла вера» (В XXXI; Кант, 2006, с. 33).

¹¹ Трансцендентальный идеализм Канта Введенский сводит к феноменализму, или субъективному идеализму. Такая интерпретация восходит к известной «гёттингенской рецензии» 1782 г. К. Гарве и Д. Г. Федера на первое издание «Критики чистого разума» (Rohlf, 2023). Именно указанная рецензия положила начало так называемой «канто-берклианской традиции», согласно которой мы имеем дело не с явлениями объектов, а с их репрезентациями в нашем сознании (Хауэлл, 2017, с. 35). В рамках данного подхода вещи в себе принадлежат объективной реальности, а вещи для нас – субъективной (Rohlf, 2023). Как известно, Кант возражал против такого прочтения своей первой «Критики», поэтому во втором издании он внес изменения в «Трансцендентальную эстетику», а также добавил раздел, озаглавленный «Опровержение идеализма» (В 274–279; Кант, 2006, с. 369–373), где показал несостоятельность проблематического идеализма Декарта и догматического идеализма Беркли, заключив: «...сознание моего собственного бытия есть вместе с тем непосредственное сознание бытия других вещей вне меня» (В 276–277; Кант, 2006, с. 371). Хотя то, что Кант статус внешних объектов не подвергал никакому сомнению, ясно уже из «Трансценден-

on the contrary, allows that the objects of outer intuition are real too, just as they are intuited in space, along with all alterations in time, just as inner sense represents them” (*KrV*, В 520; Kant, 1998a, p. 511). As for the subjective status of intuitions given in forms of space and time, for Kant they have empirical reality, i.e. have objective significance for all the objects that may be given us through our senses; and transcendental ideality, i.e. they belong to the objects themselves if we perceive them (*KrV*, В 43-44, 52-53; Kant, 1998a, pp. 177-178, 181-182). Kant could not impute space and time to things in themselves because this would inevitably turn things into mere illusion (*KrV*, В 69-70; Kant, 1998a, p. 190).

¹² Cf. *GMS*, AA 04, p. 421; Kant, 1998b, p. 31.

¹³ In *Groundwork of the Metaphysics of Morals* Kant twice uses examples to illustrate the functioning of the categorical imperative: the first time in the section “Transition from common rational to philosophic moral cognition” (*GMS*, AA 04, pp. 402-404; Kant, 1998b, pp. 14-17), and the second time in the section “Transition from popular moral philosophy to metaphysics of morals” (*GMS*, AA 04, pp. 421-424; Kant, 1998b, pp. 31-33). It is noteworthy that Vvedensky does not mention, and hence does not comment, on the other formulation of the categorical imperative which goes a long way to clarify the first one: “So act that you use humanity, whether in your own person or in the person of any other, always at the same time as an end, never merely as a means” (*GMS*, AA 04, p. 429; Kant, 1998b, p. 38).

¹⁴ See *GMS*, AA 04, pp. 440-445; Kant, 1998b, pp. 47-51.

¹⁵ In “The Transcendental Dialectic” Kant comes to the conclusion that in allowing ideal entities corresponding to such ideal concepts of reason as God, immortality of the soul, and freedom, “we do not really extend our cognition beyond the objects of possible experience,

тальной эстетики»: ощущения возникают в нас именно благодаря воздействию некоего предмета на нашу чувственность (В 33–34; Кант, 2006, с. 89). В «Трансцендентальной диалектике» Кант пишет: «Наш трансцендентальный идеализм, напротив, допускает следующее: предметы внешнего созерцания действительны именно так, как они созерцаются в пространстве, а все изменения во времени действительны так, как их представляет внутреннее чувство» (В 520; Кант, 2006, с. 651; перевод исправлен. — Д. Р.). Что касается субъективного статуса данных в формах пространства и времени созерцаний, то они для Канта обладают эмпирической реальностью, то есть имеют объективную значимость для всех предметов, которые могут быть даны нашей чувственности, и трансцендентальной идеальностью, то есть не принадлежат самим предметам, если мы их не воспринимаем (В 43–44, 52–53; Кант, 2006, с. 101, 111–113). Приписать же вещам самим по себе пространство и время Кант не мог по той причине, что подобное действие неизбежно превратит вещи в простую видимость (В 69–70; Кант, 2006, с. 131–133).

¹² Ср.: (AA 04, S. 421; Кант, 1997б, с. 143).

¹³ Кант в «Основоположении к метафизике нравов» дважды поясняет на примерах, как может функционировать категорический императив: в первый раз в разделе «Переход от обыденного нравственного познания разума к философскому» (AA 04, S. 402–404; Кант, 1997б, с. 85–91), во второй — в разделе «Переход от популярной нравственной философии к метафизике нравов» (AA 04, S. 421–424; Кант, 1997б, с. 143–155). Обращает на себя внимание то, что Введенский вовсе не упоминает и, соответственно, никак не комментирует другую формулу категорического императива, существенно проясняющую применимость первой: «*Поступай так, чтобы ты никогда не относился к человечеству, как в твоём лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но всегда в то же время и как к цели*» (AA 04, S. 429; Кант, 1997б, с. 169).

¹⁴ См.: (AA 04, S. 440–445; Кант, 1997б, с. 205–219).

but only extend the empirical unity of these objects through the systematic unity for which the idea gives us the schema; hence the idea holds not as a constitutive but merely as a regulative principle" (*KrV*, B 702; Kant, 1998a, pp. 607–608). In the *Critique of Pure Reason*, he elaborates that the existence of God, immortality of the soul, and freedom are postulates that are not theoretical dogmas, but mere suppositions. Postulates "do give objective reality to the ideas of speculative reason *in general* [...] and entitle it to concepts [...]" (*KpV*, AA 04, p. 132; Kant, 2002, p. 167). But at the same time, Kant draws attention to the fact that although he is postulating God, the immortal soul, and freedom within the framework of practical reason while allowing theoretical reason to presuppose them, "this expansion of theoretical reason is not an expansion of speculation, i.e., no positive use can now be made of it for a *theoretical aim*" (*KpV*, AA 04, p. 134; Kant, 2002, p. 171).

¹⁶ Vvedensky is quoting Volume 2 of *The History of the New Philosophy* as translated by Nadezhda Platonova changing, probably inadvertently, the word order in one phrase: "[...] toward an end which, of its very concept, can never be achieved [...]"⁹ (Windelband, 1895, p. 105; my italics — D. R.).

¹⁷ Vvedensky's conclusion in some ways anticipates Vladimir F. Ern's report "From Kant to Krupp" (1914), presented at a public meeting of the Religious-Philosophical Society to commemorate Vl. Solovyov. Ern had been critical of Kant since before the First World War. Thus, in his "Critique of Kant's Concept of Truth" (1912) he accuses Kant, who "has reigned in European thought for a hundred years already" (Ern, 1912, p. 49), of "bad psychologism" (*ibid.*, p. 61).

⁹ Cf. "Das ist das Erschütternde, es ist das Tragische in dieser Kantischen Untersuchung, dass der Werth der menschlichen Erkenntnisthätigkeit nur in der Arbeit für ein Ziel besteht, welches seinem Begriffe nach niemals erreicht werden kann, dass ein unlösbarer Widerspruch hervortritt zwischen den Aufgaben der Erkenntnis und den Mitteln, welche sie zur Lösung derselben besitzt" (Windelband, 1880, p. 96).

¹⁵ В «Трансцендентальной диалектике» Кант приходит к выводу, что, допуская идеальные сущности, соответствующие таким идеальным понятиям разума, как Бог, бессмертие души и свобода, «мы, собственно, не расширяем нашего знания за пределы объектов возможного опыта, а только расширяем его эмпирическое единство посредством систематического единства, для которого идея дает нам схему, имеющую, стало быть, силу не конститутивно, а только регулятивного принципа» (В 702; Кант, 2006, с. 861). При этом в «Критике практического разума» немецкий философ уточняет, что бытие Бога, бессмертие души и свобода суть постулаты, которые не являются теоретическими догмами, а только предположениями. При этом постулаты «во всеобщем смысле дают идеям спекулятивного разума... объективную реальность и дают разуму право на такие понятия...» (АА 04, S. 132; Кант, 1997а, с. 647). Но в то же время Кант обращает внимание, что постулирование в рамках практического разума Бога, бессмертной души и свободы хотя и дает теоретическому разуму право предполагать их, «но такое расширение теоретического разума не есть расширение спекуляции, т.е. эти понятия не должны иметь позитивного применения в теоретическом отношении» (АА 04, S. 134; Кант, 1997а, с. 655).

¹⁶ Введенский цитирует 2-й том «Истории новой философии» Виндельбанда по переводу Н. Платоновой, изменив, видимо случайно, порядок слов в одном обороте: «...для цели, которая, по самому своему понятию, никогда не может быть достигнута...» (Виндельбанд, 1895, с. 105; курсив мой. — Д. Р.)

¹⁷ Такой вывод Введенского в некоторой степени предвосхищает доклад В. Ф. Эрна «От Канта к Круппу» (1914), прочитанный им на публичном заседании Религиозно-философского общества, посвященном памяти Вл. Соловьева. Критическое отношение Эрна к Канту сформировалось еще до начала Первой ми-

Earlier Ern charged Kant with immanentism, linking this to Berkeleyan idealism (Ern, 1910, pp. 427-430).

In his speech “From Kant to Krupp”, Ern blames Kant for German militarism, which sets him apart from the thought represented by Vvedensky. Ern’s argument revolves around the thesis that “German militarism is a natural child of Kant’s *phenomenalism* (Ern, 1991a, p. 313; my italics — D. R.). Later, responding to the puzzlement expressed by Russian philosophers over the report, Ern explained what he meant by phenomenism: “[Kant] declares all cognised reality without exception to be created by the cognising reason” (Ern, 1991b, p. 323). Thus, Ern makes the same mistake as Vvedensky in the article being published here: namely, he misinterprets Kantian transcendental idealism as phenomenism and on that basis attempts to link Kant and Krupp to draw the false conclusion that “Krupp’s guns logically hold pride of place in the Zion of German phenomenism where the *Critique of Pure Reason* is the holy of holies” (Ern, 1991a, p. 315).

¹⁸ Kant considered such questions to be “What can I know? What ought I to do? What may I hope? What is man?” (*Log*, AA 09, p. 25; Kant, 1992, p. 538), linking them to “philosophy according to the worldly concept”, as “a science of the highest maxim for the use of our reason” (*Log*, AA 09, p. 24; Kant, 1992, p. 537), which has to do with that which “necessarily interests everyone” (*KrV*, B 867; Kant, 1998a, p. 695).

This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation grant no. 075-15-2019-1929, project “Kantian Rationality and Its Impact in Contemporary Science, Technology, and Social Institutions” provided at the Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad.

ровой войны. Так, в «Критике кантовского понятия истины» (1912) он обвиняет Канта, который «уже сто лет царит в европейской мысли» (Эрн, 1912, с. 49), в «дурном психологизме» (Там же, с. 61). Еще раньше Эрн упрекал Канта в имманентизме, связывая его с берклианским идеализмом (Эрн, 1910, с. 427–430).

В докладе «От Канта к Круппу» Эрн возлагает на Канта ответственность за германский милитаризм, что отличает направленность его мысли от представленной у Введенского. Свою аргументацию Эрн, по сути, выстраивает вокруг тезиса: «немецкий милитаризм есть натуральное детище Кантова феноменализма» (Эрн, 1991а, с. 313; курсив мой. — Д. Р.). Позже Эрн, отвечая на возникшие недоумения среди русских философов по поводу своего доклада, поясняет, что он понимает под феноменализмом: «Познаваемую действительность он [Кант] объявляет всю и без остатка творимой и создаваемой познающим разумом...» (Эрн, 1991б, с. 323). Таким образом, Эрн повторяет ту же ошибку, что и Введенский в настоящей публикации, а именно неправильно интерпретирует кантовский трансцендентальный идеализм как феноменализм, на этом основании пытается связать Канта и Круппа и делает некорректный вывод о том, что «в Сионе немецкого феноменализма, где святое святых есть “Критика чистого разума”, орудия Круппа занимают почетное и логически необходимое место» (Эрн, 1991а, с. 315).

¹⁸Таковыми вопросами Кант считал «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что такое человек?» (АА 09, S. 25; Кант, 1994, с. 280) и связывал их с мировым понятием философии как «науки о последних целях человеческого разума» (АА 09, S. 24; Кант, 1994, с. 279), которая касается того, что «необходимо интересуется каждого» (В 867–868; Кант, 2006, с. 1051).

Данная публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2019-1929 «Кантианская рациональ-

References

Abramov, A. I. and Vanchugov, V. V., 2010. Vvedensky Aleksey Ivanovich. In: V. S. Stepin, ed. *Novaya filosofskaya èntsiklopediia [New Philosophical Encyclopedia]: in 4 vol. Volume 1*. Moscow: Mysl', pp. 372-373. (In Rus.)

Anon., 1874. A Few Words About P. D. Yurkevich. *Moskovskie vedomosti*, 278, pp. 2-3. (In Rus.)

Anon., 1898. *Zhurnaly sobranij Soveta Imperatorskoj Moskovskoj duhovnoj akademii 1897 g. [Journals of the Meetings of the Council of the Imperial Moscow Theological Academy in 1897]*. Sergiev Posad: 2-ya tipografiya A. I. Snegirevoi. (In Rus.)

Anon., 1905. Immanuel Kant. *Niva*, 4, pp. 76-77. (Portrait and drawing on p. 75). (In Rus.)

Anon., 1912. From Academic Life (25th Anniversary of Professor A. I. Vvedensky). *Bogoslovskiy vestnik [Theological Bulletin]*, 1(2), pp. 394-454 (3rd pagin.). (In Rus.)

Arnold, T., 2022. Plato's Ideas in Lotze's Light — On Husserl's Reading of Lotze's Logik. *Husserl Studies*, 39(1), pp. 85-99. <http://dx.doi.org/10.1007/s10743-022-09319-z>.

Baum, M., 2019. Kants praktischer Platonismus. *Kantian Journal*, 38(4), pp. 7-33. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-4-1>.

Dmitrieva, N. A., 2014. The “Perpetual Peace” of Immanuel Kant at the Turn of the Centuries and During the First World War. *Prepodavatel XXI vek*, 2/1, pp. 46-61. (In Rus.)

Ern, V. F., 1910. Berkeley as the Founder of Modern Immanentism. *Voprosy filosofii i psichologii [Issues of Philosophy and Psychology]*, 103, pp. 413-436. (In Rus.)

Ern, V. F., 1912. Critique of the Kantian Concept of Truth. In: *Filosofskij sbornik. L'vu Mihajlovichu Lopatinu k tridcatiletiyu nauchno-pedagogicheskoy deyatelnosti. Ot Moskovskogo psichologicheskogo obshchestva. 1881-1911 [Philosophical Collection. To Lev Mikhailovich Lopatin for Thirty Years of Scientific and Pedagogical Activity. From the Moscow Psychological Society]*. Moscow: Tipo-lit. t-va I. N. Kushnereva, pp. 49-61. (In Rus.)

Ern, V. F., 1991a. From Kant to Krupp. In: V. F. Ern, 1991. *Sochineniya [Works]*. Moscow: Pravda, pp. 308-318. (In Rus.)

Ern, V. F., 1991b. The Essence of German Phenomenalism. In: V. F. Ern, 1991. *Sochineniya [Works]*. Moscow: Pravda, pp. 319-328. (In Rus.)

Florensky, P. A., 1909. Cosmological Antinomies of I. Kant: [Test Lecture]. *Bogoslovskiy vestnik [Theological Bulletin]*, 1(4), pp. 596-625 (3rd pagin.). (In Rus.)

ность и ее потенциал в современной науке, технологиях и социальных институтах», реализуемый на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).

Список литературы

Абрамов А. И., Ванчугов В. В. Введенский Алексей Иванович // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2010. С. 372–373.

Баум М. Практический платонизм Канта // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 4. С. 7–33. doi: 10.5922/0207-6918-2019-4-1.

Введенский А-й И. Основные гносеологические принципы после-кантовской философии. Очерк историко-критический // Вера и разум. 1891. № 19. С. 305–326. (2-я пагин.).

Введенский А-й И. Фулье и метафизика будущего. III (окончание) // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 11. С. 127–145.

Введенский А-й И. Очерк современной французской философии. Философия в современной Франции // Вера и разум. 1893. № 10. С. 429–470.

Введенский А-й И. Философия будущего в Германии // Богословский вестник. 1894. Т. 1, № 1. С. 77–99 (1-я пагин.).

Введенский А-й И. [Рец. на:] Виндельбанд. История новой философии: философия Канта / пер. с нем. Н. Платоновой. СПб., 1895. Стр. IV+202 // Богословский вестник. 1895а. Т. 4, № 10. С. 119–125 (3-я пагин.).

Введенский А-й И. Учение Канта о пространстве: (Разъяснение и критика) // Богословский вестник. 1895б. Т. 2, № 6. С. 390–404 (3-я пагин.).

Введенский А-й И. Великий рационалист. По поводу столетия со дня смерти Канта. (1704 – 31 января – 1804) // Московские ведомости : газета. 1904. № 31. С. 3–4.

Введенский А-й И. Социализм, как нравственная и теоретическая задача. 2-е изд. М. : Русская Печатня, 1909.

Введенский А-й И. Западная действительность и русские идеалы: Письма из-за границы. 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2015.

Виндельбанд В. Философия Канта (Из истории новой философии Виндельбанда) / пер. с нем. Н. Платоновой. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1895.

Дмитриева Н. А. «Вечный мир» И. Канта на рубеже веков и в период Первой мировой войны // Преподаватель – XXI век. 2014. № 2, ч. 1. С. 46–61.

Flyaksberger, V. A., 1904. Kant's Philosophy. *Zapiski Obshchestva istorii, filologii i prava pri Varshavskom universitete* [Proceedings of the Society of History, Philology and Law at the University of Warsaw], 3, pp. 107-150. (In Rus.)

Fouillée, A., 1904a. Nietzsche's Religion in a Critical Presentation by Alfred Fouillée (Translation from French by D. Vvedensky). *Vera i razum* [Faith and Reason], 1, pp. 36-48. (In Rus.) (2nd pagin.). (In Rus.)

Fouillée, A., 1904b. Nietzsche's Religion in a Critical Presentation by Alfred Fouillée (Translation from French by D. Vvedensky) (Ending). *Vera i razum* [Faith and Reason], 4, pp. 148-170. (In Rus.) (2nd pagin.). (In Rus.)

Fouillée, A., 1905. *Nietzsche i immoralizm* [Nietzsche and Immoralism]. St. Petersburg : izd-e Obshchestvennoy pol'zy. (In Rus.)

Fouillée, A., 2006. *Nietzsche i immoralizm* [Nietzsche and Immoralism], translation from French by A. I. Vvedensky. Moscow: URSS, Lenand. (In Rus.)

Howell, R., 2017. Analytical Work on Kant-Idealism, Things-in-Themselves and the Object of Knowledge. *Kantian Journal*, 36(4), pp. 31-50. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2017-4-3>. (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 1997. Russian Thought Between Plato and Kant: P. D. Yurkevich. *Kantian Journal*, 20(1), pp. 75-96. (In Rus.)

Kant, I., 1992. The Jäsche Logic. In: I. Kant, 1992. *Lectures on Logic*. Translated and edited by J. M. Young. Cambridge.

Kant, I., 1905. Physical Monadology (Translated from German by P. A. Florensky). *Bogoslovskiy vestnik* [Theological Bulletin], 3(9), pp. 95-127 (3rd pagin.). (In Rus.)

Kant, I., 1997. *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. Translated and edited by M. J. Gregor, Introduction by C. M. Korsgaard. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2002. *Critique of Practical Reason*. Translated by W. S. Pluhar, Introduction by S. Engstrom. Indianapolis & Cambridge: Hackett Publishing Company Inc.

Lebedev, V., 1874. Memories of P. D. Yurkevich. *Moskovskie vedomosti*, 292, p. 4. (In Rus.)

Lotze, H., 1912. *Logik: Drei Bücher vom Denken, vom Untersuchen und vom Erkennen*. Leipzig: Meiner.

Ермишин О.Т. Введенский Алексей Иванович // Православная энциклопедия. [2009]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/149991.html> (дата обращения: 26.11.2023).

Журналы собраний Совета Императорской Московской духовной академии 1897 г. [Сергиев Посад] : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898.

Зеньковский В.В. Платон в истолковании П. Наторпа // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 95. С. 588–619. (2-я пагин.)

Из академической жизни (25-летний юбилей профессора А. И. Введенского) // Богословский вестник. 1912. Т. 1, №2. С. 394–454 (3-я пагин.).

Иммануил Кант // Нива. Иллюстрированный журнал литературы и современной жизни. (СПб.) 1904. Год 35, № 4. С. 76–77.

Калинников Л.А. Русская мысль между Платоном и Кантом: П. Д. Юркевич // Кантовский сборник. 1997. Т. 20, № 1. С. 75–96.

Кант И. Физическая монадология / пер. с лат. П. А. Флоренского // Богословский вестник 1905. Т. 3, № 9. С. 95–127 (3-я пагин.).

Кант И. Логика, 1800 // Соч. : в 8 т. Т. 8. М. : Чоро, 1994. С. 266–398.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997а. Т. 3. С. 277–733.

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997б. Т. 3. С. 39–275.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Книга Бытия в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями : [электрон. изд.] / пер. П. А. Юнгерова ; подгот. Н. Диваков. М. : Изд-е КБ МДА и Фонда «Серафим», 2007. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Yungerov/kniga-bytija/3 (дата обращения: 23.11.2023).

Лебедев В. Воспоминания о П.Д. Юркевиче // Московские ведомости. 1874. № 292. С. 4.

Миртов Д.П. Нравственная автономия по Канту и Ницше: речь, предназначавшаяся к произнесению в день годичного академического акта // Христианское чтение. 1905. № 3. С. 313–337.

Несколько слов о П. Д. Юркевиче // Московские ведомости. 1874. № 278. С. 2–3.

Павлов А. Т. П. Д. Юркевич в Московском университете // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2007. № 3. С. 97–108.

Mirtov, D. P., 1905. Moral Autonomy According to Kant and Nietzsche: a Speech Intended to be Delivered on the Day of the Annual Academic Act. *Christian Reading*, 3, pp. 313-337. (In Rus.)

Natorp, P., 1921. *Platos Ideenlehre: eine Einführung in den Idealismus*. Leipzig: Meiner.

Nemeth, T., 2023. Philosophy in Imperial Russia's Theological Academies. Berlin & Boston: Walter de Gruyter.

Pavlov, A. T., 2007. P.D. Yurkevich at Moscow University. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy], 3, pp. 97-108. (In Rus.)

Rohlf, M., 2023. Immanuel Kant. In: E. N. Zalta and U. Nodelman, eds. 2023. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/kant/> (Accessed 23 November 2023).

Rozhin, D. O., 2021. Reception of Kant's Epistemological Ideas in Fyodor Golubinsky's Metaphysics. *Kantian Journal*, 40(1), pp. 97-123. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-1-3>.

Rozhin, D. O., 2023. Between Kant and Trendelenburg: On the Genealogy of Kudryavtsev-Platonov's Theory of Cognition. *Kantian Journal*, 42(4), pp. 35-68. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-4-3>.

S. V., 1904. Stat'ya S. V. po povodu 100-letiya smerti Immanuila Kanta [Article by S. V. on the Occasion of the 100th Anniversary of the Death of Immanuel Kant]. In: *State Archive of the Russian Federation (GARF)*, F. 588 (Boris V. Nikolsky). Inv. 1, № 1359. (In Rus.)

Shpet, G. G., 1914. The Philosophical Legacy of P. D. Yurkevich. (On the Fortieth Anniversary of His Death). *Voprosy filosofii i psihologii* [Issues of Philosophy and Psychology], 125(5), pp. 653-727. (In Rus.)

Smirnov, I. K., 1914. Moscow Theological Academy in 1854-58. From the Memoirs of Iv. Kuzm. Smirnov. In: *U Troicy v Akademii. 1814 – 1914 gg.* [At the Trinity in the Academy. 1814–1914]. Moscow: Izd. byvsh. vospitanikov Mosk. duhov. akad., pp. 131-140. (In Rus.)

Solovyov, V. S., 1900. Three Characteristics. – M. M. Troickij. – N. Ya. Grot. – P. D. Yurkevich. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1, pp. 319-335. (In Rus.)

Vvedensky, Alexey I., 1891. Basic Epistemological Principles of Post-Kantian Philosophy. Historical-critical Essay. *Vera i razum* [Faith and Reason], 19, pp. 305-326 (2nd pagin.). (In Rus.)

Vvedensky, Alexey I., 1892. Fouillée and the Metaphysics of the Future. *Voprosy filosofii i psihologii* [Issues of Philosophy and Psychology], 11, pp. 1-30. (In Rus.)

Рожин Д. О. Рецепция гносеологических идей И. Канта в метафизике Ф. А. Голубинского // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 1. С. 97–123. doi: 10.5922/0207-6918-2021-1-3.

Рожин Д. О. Между Кантом и Тренделенбургом: к вопросу о генеалогии теории познания Кудрявцева-Платонова // Кантовский сборник. 2023. Т. 42, № 4. С. 35–68. doi: 10.5922/0207-6918-2023-4-3.

Смирнов И. К. Московская Духовная Академия в 1854–58 гг. Из воспоминаний Ив. Кузьм. Смирнова // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. : юбил. сб. ист. материалов. М. : Изд. бывш. воспитанников Моск. духов. акад., 1914. С. 131–140.

Соловьев В. С. Три характеристики. М. М. Троицкий. — Н. Я. Грот. — П. Д. Юркевич // Вестник Европы. 1900. Кн. 1 (январь). С. 319–335.

Статья С. В. по поводу 100-летия смерти Иммануила Канта, 1904 // ГАРФ. Ф. 588 (Б. В. Никольский). Оп. 1. Д. 1359.

Флоренский П. А. Космологические антиномии И. Канта: [Пробная лекция] // Богословский вестник. 1909. Т. 1, № 4. С. 596–625 (3-я пагин.).

Фулье А. Религия Ницше в критическом изложении Альфреда Фулье / пер. с фр. Д. Введенского // Вера и разум. 1904а. № 1. С. 36–48.

Фулье А. Религия Ницше в критическом изложении Альфреда Фулье (окончание) / пер. с фр. Д. Введенского // Вера и разум. 1904б. № 4. С. 148–170.

Фулье А. Ницше и имморализм. СПб. : Изд-е Общественной пользы, 1905.

Фулье А. Ницше и имморализм / пер. с фр. А. И. Введенского. 2-е изд., стер. М. : URSS : Ленанд, 2006.

Хауэлл Р. Аналитическая работа над Кантом — идеализм, вещи в себе и объект знания // Кантовский сборник. 2017. Т. 36, № 4. С. 31–50.

Шпет Г. Г. Философское наследство П. Д. Юркевича. (К сорокалетию со дня смерти) // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 125 (V). С. 653–727.

Эрн В. Ф. Беркли как родоначальник современного имманентизма // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 103. С. 413–436.

Эрн В. Ф. Критика кантовского понятия истины // Философский сборник: Льву Михайловичу Лопатину к тридцатилетию научно-педагогической деятельности от Московского психологического общества. 1881–1911. М. : Типолит. И. Н. Кушнерева и К°, 1912. С. 49–61.

Эрн В. Ф. От Канта к Крупну // Соч. М. : Правда, 1991а. С. 308–318.

Эрн В. Ф. Сущность немецкого феноменализма // Соч. М. : Правда, 1991б. С. 319–328.

Vvedensky, Alexey I., 1893a. On the Tasks of Modern Philosophy, in Connection with the Question of the Possibility and Direction of Original Russian Philosophy. *Voprosy filosofii i psihologii [Issues of Philosophy and Psychology]*, 20, pp. 125-157. (In Rus.)

Vvedensky, Alexey I., 1893b. Essay on Modern French Philosophy. *Philosophy in Modern France. Vera i razum [Faith and Reason]*, 10, pp. 429-470 (2nd pagin.). (In Rus.)

Vvedensky, Alexey I., 1894. Philosophy of the Future in Germany. *Bogoslovskij vestnik [Theological Bulletin]*, 1(1), pp. 77-99 (1st pagin.). (In Rus.)

Vvedensky, Alexey I., 1895a. [Book Review:] Windelband. History of New Philosophy: Kant's Philosophy, translated from German by N. Platonova. St. Petersburg 1895. Pages IV+202. *Bogoslovskij vestnik [Theological Bulletin]*, 4(10), pp. 119-125 (3rd pagin.). (In Rus.)

Vvedensky, Alexey I., 1895b. Kant's Doctrine of Space: (Explanation and Criticism). *Bogoslovskij vestnik [Theological Bulletin]*, 2(6), pp. 390-404 (3rd pagin.). (In Rus.)

Vvedensky, Alexey I., 1904. Great Rationalist. On the Centenary of Kant's Death. (1704 — January 31 — 1804). *Moskovskie vedomosti [Moscow News]*, 31, pp. 3-4. (In Rus.)

Vvedensky, Alexey I., 1909. *Socializm, kak нравственная i teoreticheskaya zadacha [Socialism as a Moral and Theoretical Task]. Second Edition.* Moscow: "Russkaya Pechatnya". (In Rus.)

Vvedensky, Alexey I., 2015. *Zapadnaya dejstvitel'nost' i russkie idealy: Pis'ma iz-za granicy [Western Reality and Russian Ideals: Letters from Abroad]*. Moscow: LENAND. (In Rus.)

Windelband, W., 1880. *Die Geschichte der Neueren Philosophie. Volume 2: Von Kant bis Hegel und Herbart.* Leipzig: Breitkopf und Härtel.

Windelband, W., 1895. *Filosofiya Kanta (Iz istorii novoj filosofii Windelbanda) [Philosophy of Kant (From the History of the New Philosophy of Windelband)]*. Translated from German by N. Platonova. St. Petersburg : Tip. I. N. Skorohodova. (In Rus.)

Yermishin, O. T., 2009. Vvedensky Aleksey Ivanovich. In: Patriarch of Moscow and All Rus' Kirill, ed. 2009. *Pravoslavnaya enciklopediya [Orthodox Encyclopedia]*. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/149991.html> (Accessed 23 November 2023) (In Rus.)

Yungerov, P. A., ed. 2007. *Kniga Bytiya. Opyt pere-lozheniya na russkij yazyk [Book of Genesis. Experience of Transposition into Russian]*. Translated by P. A. Yungerov, reprinted by N. Divakov. Moscow: Izdanie KB MDA i Fonda "Serafim". Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Yungerov/kniga-bytija/3 (Accessed 23 November 2023) (In Rus.)

Юркевич П. Д. Разум по учению Платона и опыт по учению Канта // Московские университетские известия. 1865. № 5. С. 321–392.

Lotze H. Logik: Drei Bücher vom Denken, vom Untersuchen und vom Erkennen. Leipzig : F. Meiner, 1912.

Natorp P. Platos Ideenlehre: eine Einführung in den Idealismus. Leipzig : F. Meiner, 1921.

Nemeth T. Philosophy in Imperial Russia's Theological Academies. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2023.

Rohlf M. Immanuel Kant // Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. Stanford, 2023. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/kant/> (дата обращения: 23.11.2023).

Žust M. M. À la recherche de la vérité vivante. L'expérience religieuse de Pavel A. Florenskij (1882–1937). Roma : Lipa Srl, 2002.

Об авторе

Давид Олегович **Рожин**, кандидат философских наук, лаборатория «Кантианская рациональность», Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: DRozhin1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4877-2598>

Для цитирования:

Введенский А. И., Рожин Д. О. «Великий рационалист»: Алексей Введенский о Канте в контексте русской кантианы // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 1. С. 149–180.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-1-7

© Введенский А. И., Рожин Д. О., 2024.

Yurkevich, P. D., 1860. From the Science of the Human Spirit. *Trudy Kievskoj duhovnoj akademii* [Proceedings of the Kyiv Theological Academy], 4, pp. 367-511. (In Rus.)

Yurkevich, P. D., 1865. Reason According to the Teachings of Plato and Experience According to the Teachings of Kant. Speech by Ordinary Professor P. D. Yurkevich. *Moskovskie Universitetskie Izvestiya* [Moscow University News], 5, pp. 321-392. (In Rus.)

Zen'kovsky, V. V., 1908. Plato in the Interpretation by P. Natorp. *Voprosy filosofii i psichologii* [Issues of Philosophy and Psychology], 95, pp. 588-619 (2nd pagin.). (In Rus.)

Žust, M. M., 2002. *À la recherche de la vérité vivante*. Roma: Lipa Srl.

Translated from the Russian by Evogeni N. Filippov

The author

Dr David O. **Rozhin**, Kantian Rationality Lab & Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia.

E-mail: DRozhin1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4877-2598>

To cite this article:

Vvedensky, A. I. and Rozhin, D. O., 2024. "The Great Rationalist": Alexey Vvedensky on Kant in the Context of Russian Kantiana. *Kantian Journal*, 43(1), pp. 149-180.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-7>

© Vvedensky A. I., Rozhin D. O., 2024.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))